

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

ПИТЕР УОТТС

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ «ХЬЮГО»

ПРОДОЛЖЕНИЕ
«ЛОЖНОЙ СЛЕПОТЫ»

ЭХОПРАКСИЯ

ЕСЛИ ВЫ ЧИТАЕТЕ ТОЛЬКО ОДИН НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН В ГОД, ТО ВЫБЕРИТЕ ЭТОТ! «ЭХОПРАКСИЯ» ВОЗВЫШАЕТСЯ НАД ВСЕМИ КОЛЛЕГАМИ ПО ЖАНРУ, ЗАСЛУЖИВАЕТ «ХЬЮГО», «НЕБЬЮЛУ» И В ПРИНЦИПЕ ЛЮБУЮ ПРЕМИЮ, КОТОРАЯ ТОЛЬКО ЕСТЬ В ЖАНРЕ НФ, А СТИЛЬ УОТТСА ДОСТОИН ПРОЗЫ КОРМАКА МАККАРТИ ИЛИ ФИЛИПА РОТА.

Ричард Морган,
автор романов «Видоизмененный углерод», «Сломанные ангелы».

Ложная слепота

Питер Уоттс

Эхопраксия

«Издательство АСТ»

2014

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Уоттс П.

Эхопраксия / П. Уоттс — «Издательство АСТ», 2014 — (Ложная слепота)

ISBN 978-5-17-089361-4

XXI век подходит к концу. В этом мире монахи делают фундаментальные научные открытия, впадая в религиозный экстаз, люди объединяются в коллективные разумы, солдаты отключают самосознание ради эффективности на поле боя, генетически воскрешенные вампиры решают задачи, неподвластные простым смертным, а половина населения уже ушла на виртуальные Небеса. Четырнадцать лет назад, после того как множество разведывательных зондов пришельцев сгорело в земной атмосфере, на встречу с инопланетным разумом отправился корабль «Тезей» и сгинул где-то на краю Солнечной системы. О нем почти забыли. От него не было никаких вестей. До сих пор... Дэниэл Брюкс – самый обыкновенный человек без имплантатов и сверхспособностей. Уехав в пустыню после ошибки, ставшей причиной смерти нескольких тысяч людей, он хочет скрыться от цивилизации, но неожиданно попадает на поле боя постчеловеческой войны. Против своей воли он оказывается на корабле, который направляется к космической станции «Икар», прямо в сердце Солнечной системы. Именно туда пришел странный сигнал, отправленный то ли «Тезеем», то ли самими пришельцами. Брюкс еще не знает, что всё не то, чем кажется, а каждый член экипажа хранит свою тайну, но вскоре им всем придется столкнуться с чем-то неведомым и очень страшным, став свидетелями самого фундаментального прорыва в человеческой эволюции со времен зарождения мысли. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-17-089361-4

© Уоттс П., 2014

© Издательство АСТ, 2014

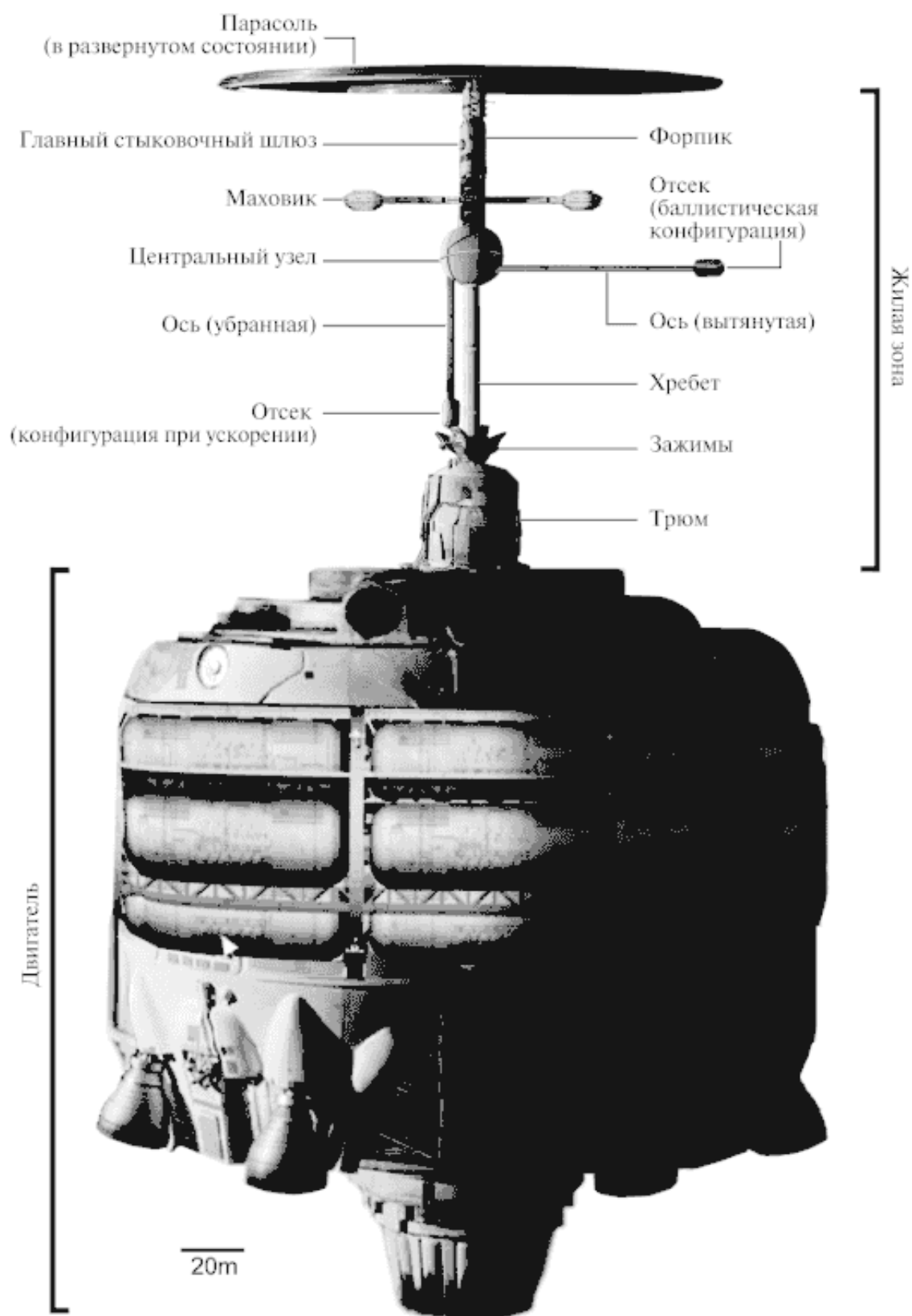
Содержание

Прелюдия	9
Примитив	12
Паразит	46
Конец ознакомительного фрагмента.	61

ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ

Внешний вид

Для наглядности показаны только два из шести блоков «ось-отсек»

Питер Уоттс

Эхопраксия

Ненаглядной повелительнице единорогов, которая спасла мне жизнь

Мы не уничтожаем религию, уничтожая суеверие.
Цицерон

Когда думаешь только о небесах, создаешь ад.
Том Роббис

ЭХОПРАКСИЯ
Подражательный автоматизм, склонность пассивно повторять движения и действия других людей

Peter Watts
Echopraxia
Печатается с разрешения автора и литературных агентств Barot International, Inc. и Nova Littera SIA.
© 2014 by Peter Watts
© Николай Кудрявцев, перевод, 2015
© Владимир Гурков, иллюстрация, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Мы взобрались на этот холм. С каждым шагом вверх видели все дальше и потому продолжали идти.

Теперь мы на вершине. Наука на вершине уже несколько веков. Мы смотрим на равнину и видим, как то, другое, племя танцует в облаках, еще выше, чем мы.

Может, это мираж или фокус? Или кто-то просто взобрался на гору повыше? Мы не видим ее, так как даль застилают облака. Потому мы решаем выяснить, что к чему, но каждый шаг ведет нас вниз.

Неважно, в каком направлении, – просто мы не можем сойти с нашей горы, не потеряв точку обзора. И мы тут же забираемся обратно, оказавшись в ловушке местного максимума.

Но что, если там, в долине, действительно есть гора повыше? Единственный способ добраться до нее – стиснуть зубы, спуститься к подножию, а затем тащиться вдоль русла реки и снова начать подъем.

Только тогда понимаешь: «Да, эта гора выше холмика, на котором мы сидели раньше, и с ее вершины видно намного лучше».

Но до нее не добраться, разве что оставить позади все инструменты, которые изначально принесли успех.

Вам придется сделать первый шаг вниз.

Доктор Лианна Латтеродт
«Вера и адаптивный ландшафт»,
Диалоги, 2091

Прелюдия

*Построить систему естественной морали почти невозможно.
Природа не знает нравственных принципов. Она не дает нам никаких
оснований считать, что человеческая жизнь достойна уважения.
Равнодушная природа не делает разницы между добром и злом.
Анатоль Франс¹*

Белая комната, лишённая теней и топографии. Нет углов, и это очень важно. Нет закоулков, мебели, направленного освещения, геометрии света и тени, чьи пересечения под тем или иным углом можно принять за крестное знамение. Стены – точнее, стена – единая изогнутая поверхность с легкой биолюминесценцией; сферический вольер, сплюснутый снизу в неохотной уступке двуногим условностям. Гигантская матка диаметром три метра, в которой сейчас хныкал зародыш, клубком свернувшийся на полу.

Матка, только кровь снаружи.

Зародыш звали Сачита Бхар, и эта кровь была в ее голове. Они уже вырубили камеры и все остальное, а она никак не могла забыть того, что увидела: комнату отдыха, гистолоботорию, даже чулан – черт возьми, грязную крохотную каморку на третьем этаже, где спрятался Грегор. Сачи не видела, когда его отыскивали. Она перескакивала с канала на канал, лихорадочно ища признаки жизни, но находила только мертвых с выпущенными кишками. К тому времени, когда дошла до камеры с чуланом, монстры ушли.

Грегор так любил своего дурацкого хорька. Еще этим утром Сачита ехала с Грегором в лифте и запомнила его полосатую рубашку. По ней и опознала кучу, оставшуюся в каморке...

Сачита увидела часть резни, прежде чем отключились камеры: друзей, коллег, соперников убили без жалости и каких-либо предпочтений; их выпотрошенные останки разбросали по лабораторным столам, рабочим станциям и туалетным кабинкам. Сигналы с камер шли прямо в имплантаты, вживленные ей в голову, но Сачита, несмотря на доступ к повсеместному наблюдению, даже не заметила существ, которые все это сделали. Тени, максимум. Проблеск тьмы, когда одинокий охотник попадал в слепое пятно камеры. Они убили всех, но не позволили увидеть себя никому, даже собратьям.

Подопытных всегда держали поодиночке. Для их же собственного блага, разумеется: посади двух вампиров в одну комнату, и вшитая в подкорку территориальность через секунду заставит их рвать друг другу глотки. И все же почему-то они работали вместе: полдюжины, взаперти, без связи, совершенно неожиданно начали действовать как слаженная команда. Захватили здание, ни разу не встретившись, и даже в разгар бойни, в последние секунды перед тем, как умерли камеры, вампиры остались невидимыми. Сачита будто видела резню краем глаза.

«Как они это сделали? Как справились с углами?»

Кого-то другого могла поразить такая ирония судьбы: Бхар спряталась в убежище для монстров – одном из немногих мест в проклятом центре, где те могли открыть глаза, не рискуя получить смертный приговор. Здесь были запрещены прямые углы, подвергали испытаниям ахиллесову пяту и создали свободную от крестов зону, где строго контролировали геометрию и оптимизировали нейрологические поводки. В любом другом помещении остроконечность цивилизации грозила вампирам со всех сторон: столы, окна, миллионы пересекающихся линий техники и архитектуры только и ждали момента, чтобы спровоцировать эпилептический припадок. Монстры не могли – не должны были! – и часа протянуть снаружи без антиевклидиков,

¹ Цитата из романа «Восстание ангелов» (1913), пер. М. Богословской, Н. Рыковой. (Здесь и далее в тексте, кроме раздела «Примечания и ссылки», – примечания переводчика.)

подавлявших «крестовый глюк». Только здесь, в белой матке, куда бедная и глупая Сачита Бхар прибежала, когда погас свет, они могли открыть незащищенные глаза.

Теперь одно из чудовищ стояло рядом с ней.

Она его не видела: крепко зажмурилась, пытаясь побороть образы массовой резни, намертво застывшие в мозге. И ничего не слышала, кроме непрекращающегося животного стога, исходившего из ее собственного горла. Вдруг что-то выпило часть света, падавшего на лицо Сачиты. Вращающаяся багровая тьма под веками еле заметно, предательски померкла, и Бхар все поняла.

– Привет, – сказала оно.

Она открыла глаза. Перед ней стояла женщина, которую называли Валери, по имени ведомственной председательницы, уволившейся год назад. Вампириша Валери.

Ее глаза отражали отфильтрованный до красного свет: кроваво-оранжевые звезды на лице, зардевшемся от бойни. Она возвышалась над Сачитой – неподвижная как статуя насекомого, даже дыхание почти не ощущалось. За секунды до смерти выбора не оставалось, и некая подпрограмма в мозгу Бхар стала отмечать морфометрию: нечеловечески длинные конечности и тощую, тепловыделяющую аллометрию метаболического двигателя, работающего на всех парах. Немного выступающие мандибулы, волчьи настолько, насколько гоминид мог себе позволить, чтобы разместить весь набор зубов. Нелепый бирюзовый халат, композитная ткань со смартпапиром и встроенной телеметрией: похоже, сегодня для Валери запланировали физические процедуры. Румяный цвет лица, кровавый паводок вазодилатации хищника в режиме охоты. И глаза, эти ужасающие светящиеся проколы...

Наконец, программа засекла: «Зрачки сузились. Она не на евклидиках».

Неожиданно Сачи выхватила крест – аварийный выключатель на случай непредвиденных ситуаций; талисман, который вручали каждому в первый день вместе с удостоверением: его эмпирически протестировали и опробовали в боевых действиях. Наука возродила символ после бесчисленных веков, проведенных им в трущобах религиозного фетишизма. С отчаянной храбростью Сачи протянула его перед собой и большим пальцем нажала на кнопку. С каждого конца распятия выскочили расширители на пружинах, и крохотный карманный тотем неожиданно стал метровым с каждой стороны.

«Тридцать градусов зрительного диапазона, Сачи. Может, сорок для особенно стойких. Убедись, что вампир находится перпендикулярно линии взгляда, и углы работают на девяносто градусов. Стоит этим малышам попасться на глаза упырям и покрыть достаточную площадь зрительной зоны, их кора головного мозга поджарится, как электрическая цепь в грозу».

Это слова Грега.

Валери склонила голову набок и изучила артефакт. Сачита знала, что ужасающее создание может рухнуть в любую секунду, превратившись в судорожно дергающуюся массу искрящихся синапсов: дело было не в вере, а в нейрологии.

Монстр наклонился чуть ближе и даже не поморщился. Сачи обмочилась.

– Пожалуйста, – всхлипнула она.

Вампириша ничего не ответила.

Слова полились рекой:

– Простите меня! Я в этом не участвовала. Не до конца, понимаете? Я лишь аспирантка, аналитик, хотела собрать материал для диссертации. Знаю, это неправильно и похоже на рабство, и я все понимаю, и это... Уродская система, а мы – последние уроды, раз так поступили с вами. Но это была не я, понимаете? Я не принимала решения, появилась позже. Я здесь даже не работаю, только материал для диссертации собирала. И все! Я могу понять, как вы себя чувствуете и почему нас ненавидите. Я бы тоже ненавидела. Но, пожалуйста, пожалуйста, прошу вас... Я лишь студентка...

Прошло время, Сачита не умерла и даже осмелилась взглянуть на вампиршу. Та смотрела куда-то влево, за тысячи световых лет отсюда. Она казалась рассеянной, даже растерянной. Но они всегда так выглядели: их разум обрабатывал дюжины параллельных цепей одновременно и десятки перцептивных реальностей, таких же настоящих, как и та, в которой обитали люди.

Валери опять склонила голову набок, будто прислушиваясь к тихо звучащей музыке. Она почти улыбалась.

– Пожалуйста... – прошептала Сачита.

– Нет злости, – сказала Валери. – Не хочется мести. Ты не имеешь значения.

– Не имею, но... – Кровь и трупы. Здание набито телами и монстрами. – Чего вы тогда хотите? Пожалуйста, я все...

– Хочу, чтобы ты представила Христа на кресте.

Разумеется, как только образ появился, не представить его было невозможно. Сачита Бхар даже успела удивиться, когда конечности неожиданно свело спазмами, нижнюю челюсть напрочь вывихнуло из сустава, а тысячи кровавых ударов булавок вонзились в заднюю стенку черепа. Она попыталась закрыть глаза, но не имеет значения, какой свет падает на сетчатку, зрение ни при чем. В глубине мозга разум генерирует собственные образы, их отключить невозможно.

– Да, – Валери задумчиво щелкнула. – Я учусь.

Сачита умудрилась заговорить. Это был самый трудный поступок в ее жизни, но она знала – так надо, ведь он последний. И она призвала на помощь всю силу воли, остатки энергии и каждый синапс, который еще не получил команду на самоуничтожение, и заговорила. Потому что больше ничто не имело значения. Бхар действительно хотела знать:

– Учишься? Чему?

Она не смогла произнести вопрос до конца. Но мозг, горевший в пламени короткого замыкания, сумел выдать последнее озарение в статике, пожирающей все вокруг: «Вот на что похож „крестовый глюк“. Вот что мы с ними делали. Вот что...»

– Дзюдо, – прошептала Валери.

Примитив

В конечном итоге наука – лишь корреляция.

Неважно, насколько эффективно она использует одну переменную для описания другой: ее уравнения по сути дела покоятся на поверхности черного ящика. (Святой Герберт, наверное, выразил это наиболее кратко, заметив, что все доказательства неминуемо сводятся к предположениям, не имеющим никаких доказательств.) Таким образом, разница между наукой и верой заключается в способности предвидения – не более, но и не менее. Научные озарения показали себя лучшими предсказателями, чем духовные, по крайней мере, в мирских делах. Они господствуют не потому, что отражают истину, а потому, что работают.

Орден Двухпалатников представляет собой невероятную аномалию в достаточно однородном пейзаже. Их методологии, полностью основанные на вере, бесцеремонно заходят в метафизические пространства, отрицающие эмпирический анализ. Тем не менее они постоянно и последовательно получают результаты с более сильной способностью предвидения, чем у обыкновенной науки. (Как они это делают, неизвестно; существуют лишь свидетельства того, что они каким-то образом переплавляют височную долю, усиливающую контакт с божественным.)

Рассматривать подобный прецедент как победу традиционной религии было бы опасно и чрезвычайно наивно. Это не так. Успех Двухпалатников – это победа радикальной секты, которой меньше пятидесяти лет от роду. А цена этой победы – разрушение стены между наукой и религией. Уступка Церкви физическому миру повлияла на историческое перемирие, позволившее вере и разуму сосуществовать до сего дня. Кого-то может порадовать зрелище нового восхождения веры в глазах человека. Но это не наша вера. Да, она по-прежнему уводит потерянных агнцев от бездушиного эмпиризма светской науки, но дни, когда она направляла их в любящие объятия Спасителя, уходят в прошлое.

Враг внутри: двухпалатная угроза институциональной религии в XXI веке
(внутренний доклад Папской академии наук Святейшему престолу, 2093)

*Все животные, находящиеся под жестким давлением отбора,
становятся настолько глупыми, насколько возможно.*

Пит Ричерсон и Роберт Бойд ²

В глуши Орегонской пустыни безумный, как пророк, Дэниэл Брюкс открыл глаза под привычную литанию смертных приговоров.

Ночь выдалась нудная. Шесть ловушек с восточной стороны ушли в офлайн – наверное, снова отрубилась проклятая компрессорная станция, – а остальные были пусты. Правда, восемнадцатая поймала подвязочную змею. В тринадцатой линзу нервно клевал шалфейный тетерев. Видеосигнал с четвертой не шел, но, судя по массе и температуре, там сутился молодой *Scleroperus* ³. В двадцать третью попался заяц.

Брюкс ненавидел зайцев. При вскрытии от них ужасно воняло, а сейчас их почти всегда приходилось вскрывать.

Он вздохнул, описал полукруг указательным пальцем; сигналы с полотнища палатки исчезли. Вместо них появились заголовки, все о его прежних интересах: вечная проблема с

² Питер Джеймс Ричерсон (1943) – американский биолог, заслуженный профессор Калифорнийского университета; Роберт Бойд (1948) – американский антрополог, профессор кафедры Калифорнийского университета. Они вместе написали такие книги, как «Культура и эволюционный процесс» (1985), «Не генами едиными: как культура изменила человеческую эволюцию» (2005), «Происхождение и эволюция культур» (2005).

³ Заборная игуана (лат.).

зомби в Пакистане, первый юбилей поражения «Искупителя», краткий и печальный некролог последнему коралловому рифу.

От Ро ничего.

Еще один жест – и ткань мягко осветили тактические оверлеи термокарты: картинка с общедоступного спутника, в реальном времени показывающая Прайновилльский заповедник. Посреди экрана размытой желтой кляксой растеклась палатка – белая и хрустящая внешняя скорлупа с теплым мягким нутром. Ничего подобного поблизости не было. Брюкс кивнул, удовлетворенный: мир по-прежнему к нему не лез.

Когда Дэниэл вылез наружу, какое-то крохотное создание, невидимое в бесцветных лучах предутреннего света, скользнуло по осыпающимся камням. Дыхание клубами вырывалось изо рта, под ногами скрипел иней, от которого пыльная и плоская пустыня еле заметно мерцала. К одной из чахлах лиственниц, охранявших лагерь, прислонился мотовседорожник; его шины, похожие на пастилу, размякли и обвисли.

Брюкс схватил кружку и фильтр с крюка, отправился в долину, вниз, к куче щебня. Останки бестолкового пустынного ручейка у подножия холма утолили его жажду, хотя поток больше напоминал вязкую слизь, и жить ему осталось от силы месяц. Впрочем, для одного крупного млекопитающего его хватало. С другой стороны долины ручная торнадо Двухпалатников слабо корчился на фоне серого неба, но сверху еще смотрели звезды – ледяные, немигающие и совершенно бессмысленные. Сегодня там не было ничего, кроме энтропии и привычных воображаемых форм, которые люди накладывали на природу с тех пор, как решились взглянуть в небеса.

Четырнадцать лет назад пустыня была другой. Ночь тоже. Но чувствовалось все так же, пока Дэниэл не поднял глаза – и на несколько судьбоносных секунд небо стало другим, лишившись своей случайности. Каждая звезда сияла в четком сверкающем строю, а каждое созвездие было совершенным квадратом, и неважно, насколько отчаянно человеческое воображение старалось увидеть в нем что-то еще. 13 февраля 2082 года, Ночь первого контакта: шестьдесят две тысячи объектов неизвестного происхождения сомкнулись вокруг мира исполинской сетью и сгорели, крича по всему радиодиапазону. Брюкс помнил чувство, возникшее, когда он стал свидетелем переворота на небесах – будто свергли капризного бога и восстановили порядок.

Правда, революция длилась лишь несколько секунд. Отодвинутые на задний план созвездия тут же выскочили вновь, как только точные полосы падения растворились в верхних слоях атмосферы. Но Брюкс знал, что все изменилось: небо уже никогда не будет прежним.

По крайней мере так он думал тогда. Все так думали. Весь чертов вид Ното встал как один пред общей угрозой, пусть даже не зная ничего конкретного и несмотря на то что никто не угрожал ничему, кроме человеческого ощущения собственной важности. Мир отбросил в сторону мелкие разногласия, забыл об экономии и быстро создал лучший корабль, который могли построить в XXI веке. В команду поставили не слишком ценных сингуляристов и отправили их по наиболее вероятному курсу, снабдив разговорником с фразой «отведите нас к вашему лидеру» на тысяче языков.

Уже десять лет мир, затаив дыхание, ждал Второго пришествия. Но не последовало ни выхода на бис, ни второго акта. Четырнадцать лет – большой срок для вида, привыкшего к мгновенным вознаграждениям. Брюкс никогда особо не верил в благородство человеческого духа, но даже он удивился, как мало времени понадобилось, чтобы небо опять стало прежним; скорости, с которой мелкие мировые разногласия вернулись в заголовки новостей. «Люди, – думал он, – похожи на лягушек: убери что-то из их зрительного поля, и они... обо всем забудут».

«Тезей» уже миновал орбиту Плутона. Если он что-то и нашел, Брюкс об этом не слышал. Он устал ждать. И устал от жизни в режиме паузы, в ожидании прихода то ли монстров, то ли спасителей. А еще устал убивать всяких тварей и умирать изнутри.

Четырнадцать лет...

Он очень хотел, чтобы мир поторопился и наконец сдох.

Последние два месяца каждое утро Дэна начиналось одинаково: он объезжал ловушки и тыкал пойманных существ, ведомый слабой надеждой найти кого-нибудь, оставшегося неизменным.

Уже на восходе небо затянули облака, и мотоцикл не успел набрать достаточный заряд. Брюкс оставил его у лагеря и обошел сектор исследования пешком. К зайцу добрался около полудня и выяснил, что его опередили: ловушку сломал, а содержимое вытащил другой хищник, которому не хватило такта оставить хотя бы пятно крови для анализа.

Подвязочная змея все еще извивалась в восемнадцатой: самец, один из коричневых морф, исчезающих на фоне земли. В руке Брюкса он дергался, чешуйчатым щупальцем обвившись вокруг предплечья; пахучие железы размазали смрад по коже. Дэн без особой надежды взял несколько миллилитров крови и загрузил их в баркодер на поясе. Глотнул из фляжки, пока устройство творило свою магию.

Далеко в пустыне монастырский торнадо троекратно распух, по сравнению с предрассветными габаритами, надувшись от полуденного зноя. Расстояние низвело его до коричневой нити, маленького дымчатого пятна. Однако стоило подойти к воронке поближе, и тебя разбросало бы по всей долине. Год назад какая-то угандийская теократия, помешанная на кровной мести, хакнула трансорбитальный шаттл, вылетевший из Дартмута, и запустила его в смерчевой двигатель под Йоханнесбургом. С другой стороны выпали только винтики да зубы...

Баркодер жалобно запищал, сдаваясь: слишком много генетических артефактов для четкой расшифровки. Брюкс вздохнул, ничуть не удивившись. Машинка могла определить любого кишечного червя по крошечному пятнышку фекалий, идентифицировать какой угодно паразитический вид по малейшему обрывку чистой ткани, но чистая ткань почти не попадалась. Всегда было что-то лишнее. Вирусная ДНК, созданная для общего блага, но слишком неразборчивая, чтобы придерживаться одной цели. Специальные маркерные гены, спроектированные, чтобы животные светились в темноте при заражении токсином, о котором Агентство по охране окружающей среды забыло лет пятьдесят назад. Даже ДНК-компьютеры, кастомизированные под конкретную задачу, а потом беспечно вбитые в дикие генотипы. Теперь они напоминали грязные следы на девственно-чистом полу. Иногда казалось, что половина технических данных на планете хранится в генетической форме. Стоило секвенировать, к примеру, легочного сосальщика, и про любую пару оснований ничего нельзя было сказать наверняка: она с одинаковой вероятностью могла кодировать белок и технические спецификации денверской системы канализации.

Впрочем, это уже в порядке вещей. Брюкс был стариком – полевым исследователем, сохранившимся с той эпохи, когда люди могли понять, на что смотрят, с одного взгляда. Проверив подбородочную чешую, подсчитав плавниковые лучи и крючки на головке ленточного червя, воспользовавшись глазами, черт побери! Облажавшись, ты мог винить только себя, а не тупоголовую машину, которой неведома разница между цитохромоксидазой и сонетом Шекспира. Если же твари, требующие идентификации, жили внутри носителя, ты его убивал и вскрывал.

В этом Дэн тоже был хорош, однако не любил такие занятия.

Он прошептал новой жертве: «Тссс... прости... тебе не будет больно, я обещаю...» – и кинул ее в сумку-нейтрализатор. Подумал, что в последнее время слишком часто так делает: бормочет бессмысленную успокаивающую ложь созданиям, которые в принципе не могут его понять. Брюкс постоянно твердил себе, что пора взрослеть. Хоть один хищник пытался успокоить свою жертву за миллиарды лет и множество циклов жизни на Земле? И разве так называемая естественная смерть была столь же быстра и безболезненна, как та, что приносил Дэн

во имя общего блага? Но все равно он до сих пор не мог спокойно смотреть на трепыхающиеся и извивающиеся тени под слоем светопроницаемого белого пластика, слышать приглушенные стуки и шипение, когда простой и бесхитростный разум пытался совершить пусть воображаемый побег и овладеть телом, столь неожиданно и ужасающе не отвечающим на элементарные команды.

По крайней мере эти смерти служили четкой цели, некой конструктивной задаче, превосходящей природные болезни и хищничество. Жизнь являлась борьбой за существование и велась за счет других жизней. Биология же – борьбой за то, чтобы понять жизнь. А исследованием, где единственным автором, начальником и исследователем был сам Брюкс, он боролся за использование биологии для спасения той самой популяции, образцы которой брал. По меркам дарвиновской Вселенной, эти смерти казались почти альтруизмом.

«Дерьмо полное, – заявил неприметный голосок, просыпавшийся в такие моменты. – Ты лично борешься лишь за парочку новых статей, которые надо выжать из гранта, пока финансирование не кончилось. Даже если зафиксируешь каждое изменение в каждой кладе за последние сто лет и подсчитаешь видовые потери до последней молекулы, это не будет иметь ровным счетом никакого значения. Всем наплевать! Ты борешься с реальностью».

За последние годы этот голос стал вечным спутником Брюкса. Он даже не обрывал его тирады. А когда тот наконец иссяк, Дэн подытожил: «В общем, биологи из нас, по-любому, отвратные». И пусть признание вины прошло довольно гладко – из-за нее Брюксу все равно стало стыдно.

К тому времени, когда он вернулся в лагерь, это уже перестало быть змеей. Брюкс растянул вялые и безжизненные останки на анатомическом столе. Четыре секунды со сказерами – и рептилия уже выпотрошена от горла до клоаки; еще двадцать – пищеварительный и респираторный тракты плавают в отдельных стеклянных сосудах. В кишечнике, по идее, скопилось больше всего паразитов. Брюкс загрузил его в микроскоп и приступил к работе.

Двадцать минут спустя, когда свита из трематод и цестод была лишь наполовину внесена в каталог, вдалеке прогремел взрыв. По крайней мере звучало это так: мягкий, приглушенный «бах» далекой канонады.

Брюкс оторвался от работы, обозрев пустынную панораму, раскинувшуюся между тщедушными сучковатыми стволами.

Ничего. Ничего. Нич...

«Так, минуточку...»

Монастырь.

Дэн схватил очки с мотоцикла, дал увеличение и сразу обратил внимание на торнадо.

«Как-то он слишком сильно вертится для столь позднего времени».

Потом увидел, как справа, за строениями, в гаснущих сумерках кружатся, парят и растворяются клубы темно-коричневого дыма.

Само здание вроде не пострадало. По крайней мере ничего такого Дэн не заметил.

«И чем они там занимаются?»

Официально – физикой. И космологией. Разными вопросами высокой энергии. Но все должно ограничиваться теорией. Насколько знал Брюкс, Двухпалатники не проводили настоящие эксперименты. Впрочем, сейчас их почти никто не проводил: машины сканировали небеса, машины исследовали пространство между атомами, машины задавали вопросы и планировали опыты, чтобы получить ответы. Мясу, похоже, осталось лишь созерцать собственный пупок: сидеть в пустыне и размышлять о том, какие ответы автоматы предоставят человечеству в этот раз. Хотя большинство по-прежнему предпочитало называть сей процесс анализом.

Роевой разум, одержимый глоссолалией: вроде Двухпалатники делали это так. Похоже на биорадио в головах, общинный *corpus callosum*: электроны колеблются в микротрубочках

наподобие квантовой запутанности. Штука полностью органическая, чтобы обойти запрет на межмозговые интерфейсы. Труба, которая по команде сливает множество разумов в один. Они плыли вместе и призывали Вознесение, приобщение к таинствам; катались по полу, пускали слюни и улюлюкали, а прислужники все записывали, и в результате монахи каким-то образом полностью переписали теорию амплитуэдра ⁴.

Предполагалось, что для этого мумбо-юмбо существует рациональное объяснение: лево-полушарные процессы распознавания образов разогнали до неузнаваемости; глючную органику, которая заставляет человека видеть лица в облаках или гнев Господень в грозе, подритовали, желая пройти по тонкой грани между озарением и парейдолией. Видимо, во время прогулок по лезвию бритвы случались фундаментальные приходы, и только Двухпалатники могли отличить реальные образы от галлюцинаций. По крайней мере такова была официальная версия. Брюксу она казалась полной ерундой.

Правда, с Нобелями не поспоришь.

Может, они там разжились каким-нибудь ускорителем частиц. Монахи должны были заниматься чем-то действительно мощным и потреблявшим уйму энергии: никто не гонял индустриальный смерчевой двигатель ради кухонного комбайна.

Сзади послышался металлический звон потревоженных инструментов. Брюкс повернулся.

Сказеры валялись в грязи. Лежа кверху брюхом и мелькая раздвоенным языком, за ним следила выпотрошенная змея.

«Нервы», – сказал себе Брюкс.

Препарированный труп дрожал, будто в разрез на животе проник холод. Складки ткани колыхались по обе стороны от раны, медленная волна перистальтики шла по всему телу.

«Гальваническая реакция. И ничего больше».

Голова змеи приподнялась над краем кюветы. Стекло, немигающие глаза посмотрели туда-сюда. Красно-черный или черно-красный язык попробовал воздух на вкус.

Животное выползло наружу. Далось ему это нелегко: оно пыталось перекатиться на живот и ползти как обычно, только брюха уже не было. Чешую, которая толкала бы змею вперед, и мускулы полностью разрезали. Поэтому тварь лишь время от времени выворачивалась, терпела неудачу и снова ползла на спине: глаза навывкате, язык мелькает, а внутренностей нет.

Рептилия достигла края скамьи, секунду слабо покачалась на краю, упала в пыль. Ботинки Брюкса обрушились ей на голову. Он вминал ее в каменистую почву, пока не осталось ничего, кроме влажного липкого комка грязи. Тело твари корчилось, мускулы прыгали в такт нервам, забитым шумом без признаков сигнала. По крайней мере не осталось ничего, что могло бы чувствовать.

Рептилии – не слишком хрупкие существа. Брюкс часто находил на дороге гремучих змей, по которым несколько часов назад проехала машина, но они – позвоночник сломан, зубы выбиты, вместо головы кровавая каша – по-прежнему двигались, ползли в сторону кювета. Сумка-нейтрализатор, по идее, должна была предотвращать длительную агонию: обращала метаболизм животного против него, через легкие и капилляры доносила яд до каждой клетки ткани, принося быструю, безболезненную, и главное – полную смерть, чтобы образец, черт его дери, не проснулся, не взглянул на вас и не попытался сбежать, после того как у него выскребли внутренности.

Конечно, теперь в мире появились зомби. И еще вампиры, если на то пошло. Правда, нежить XXI века имела строго человеческое происхождение. Причин для создания змеи-зомби не существовало. Скорее всего, вмешался инфекционный артефакт: случайный генетический

⁴ *Амплитуэдр* – многомерная фигура, вычислив объем которой можно получить амплитуду рассеивания при определенном взаимодействии элементарных частиц.

взлом блокировал рецепторы скелетно-мышечной системы, а может, и запустил неконтролируемую группу двигательных команд. Так все и произошло.

И все же...

Брюкс так надеялся, что в пустыне с призраками будет попроще. Во-первых, здесь не так уж много призраков. Во-вторых, человеческие вовсе не попадались. Когда Дэн собирал образцы, он испытывал чувство вины. Иногда ему хотелось ощутить такие же угрызения совести или хотя бы вполсилы по отношению к тысячам убитых им людей.

Конечно, базовая биология легко объясняла двойные стандарты. Брюкс не видел своих человеческих жертв, не смотрел им в глаза и не был с ними, когда они умирали. Чувства и интуиция – инструменты ограниченного охвата. Осознание вины экспоненциально распадается с расстоянием. К тому же действия Дэна отделяло от последствий столько запутанных ступеней, что совесть отступала на территорию чистой теории. Да и работал он не один: ответственность лежала на всей команде, а ее намерения были безупречны.

Их никто не винил – не вслух и не по-настоящему. Не сразу. Никто не судит ничего не ведающий молоток, которым кому-то размозжили череп. Работу Брюкса извратили другие – любители пролить кровь: они виновны, а не он. Однако преступников не поймали и не наказали, хотя много людей нуждались в каком-то исходе. Брюкс и представить себе не мог, насколько мала будет разница между «Как они могли?» и «Как вы им позволили?»

Обвинений не выдвинули. Его даже не лишили профессорской должности, но в кампусе он превратился в крайне нежелательную персону.

Осталась природа. Она никогда никого не осуждала, ей было наплевать на хорошее и плохое, вину и невиновность. Природа заботилась лишь о том, что работало, а что нет, и привечала всех с одинаково эгалитарным равнодушием. Было достаточно играть по ее правилам и не ждать пощады, если что-то пойдет не по-твоему.

Поэтому Дэн взял отпуск для научной работы, составил программу исследований и отправился в поля. Оставил дронов-сборщиков и искусственных насекомых, не взял с собой ничего из автономной техники, способной утереть ему нос, ткнув в ненужность человеческого труда. С ним попрощались немногие, пусть и с облегчением; остальные не сводили глаз с неба. Он тоже всех оставил. Коллеги могли его простить или нет, а природа никогда бы не отвернулась. Даже в мире, где малейший клочок естественной среды обитания мгновенно попадал в осаду, пустынь хватало: они росли больше ста лет, как медленная раковая опухоль.

Дэниэл Брюкс решил отправиться в гостеприимную пустыню и убить все, что там найдет.

Он открыл глаза и увидел мягкое багровое сияние паникующей техники – пока спал, сдохла треть сети. Еще пять ловушек вырубались прямо у него на глазах: насосная станция ушла в офлайн, а двадцать вторая грустно пискнула – засекла приближающийся температурный след, большой, размером с человека, – и слетела с карты.

Мгновенно проснувшись, Брюкс проверил логи. Волна отключений шла с запада на восток; каждый мертвый узел был новым шагом в растущей цепочке рваных темных следов, топочущих по долине.

И направлялись они прямо к нему...

Дэн вывел на экран термальную картинку со спутников. Остатки шоссе 380 бежали тонкой веной вдоль северного периметра зоны; застывшее солнечное сияние со вчерашнего дня сочилось из растрескавшегося асфальта. Просвечивающие восходящие потоки воздуха и микроклиматические горячие зоны, помиравшие с наступлением ночи, мерцали на границах видимости. Ничего, кроме желтого нимба его собственной палатки посередине.

Двадцать первая отрапортовала о неожиданном повышении температуры и исчезла.

Вдоль линий ловушек, тут и там, маячили камеры. От них было мало толку, но их поставили в комплекте. Одна стояла на насосной станции и смотрела прямо на номер девятнадцать.

Дэн вызвал картинку: камера ночного видения расписала ночную пустыню сине-белой краской, превратив в сюрреалистический лунный пейзаж, полный контрастов. Он дал панораму... и чуть не пропустил скользящее движение справа – увеличенное размытое пятно. Что-то двигалось быстрее, чем человек имеет право двигаться. Камера вырубилась еще до того, как девятнадцатая почувствовала жар.

Насосная отключилась. За секунду испустили дух еще с дюжину сигналов, но Брюкс этого не заметил. Он уставился на замерший кадр, ощущая, как все сжимается внутри, а кишки превращаются в лед.

Быстрее человека и столь менее его. И чуть холоднее внутри.

Разумеется, полевые сенсоры не обладали достаточной чувствительностью и разницу не фиксировали. Чтобы узреть истину в тепловых отпечатках, требовалось посмотреть мишени прямо в голову, прищуриться и лишь тогда заметить отличие, может, в десятую долю степени. Смотришь на гиппокамп и видишь, что он темный. Слушаешь префронтальные доли неокортекса, а там – тишина. Потом, возможно, замечаешь всю лишнюю пайку; насильственно выращенные нейронные сети, соединяющие средний мозг с зонами движения; высокоскоростные экспрессы, обходящие переднюю часть поясной извилины, и все дополнительные ганглии, которые опухольями прицепились к зрительным путям и постоянно вылавливали характерные нейросигнатуры «найти и уничтожить».

При дневном свете заметить эту начинку намного проще: достаточно посмотреть в глаза и ничего не получить в ответ. Разумеется, если подойти настолько близко, к моменту обмена взглядами будешь уже мертв. Тварь не даст времени на мольбы, она их просто не поймет. Убьет, если так приказали, и более эффективно, чем любое другое разумное существо, – у нее ничто не стоит на пути: ни сомнения, ни осторожность, ни базовое, высасывающее глюкозу осознание собственного существования. Тварь ободрали до состояния голой рептилии, и она преданно следует приказу.

Осталось меньше километра.

Что-то внутри Дэниэла раскололось прямо посередине. Одна половина закрыла уши руками и стала все отрицать – какого черта и с чего бы кто-то стал: наверное, ошибка, – но другая вспомнила об универсальной человеческой любви к козлам отпущения и о тысячах умерших из-за тупого старины Брюкса; о шансах на то, что хотя бы у одной жертвы окажется родственник, способный пустить по следу Дэна армейских зомби.

Как они могли?!

Как ты мог им позволить?..

Мотоцикл шипел, пока накачивались шины. Зарядный шнур чуть не сбил Дэна с сиденья, прежде чем оторвался. Брюкс бросился в просвет между деревьями, вниз по каменистой осыпи, буксуя влево; добрался до подошвы холма, и перед ним раскинулась пустыня, вязкая и гладкая. Поток чуть не выбил его из седла. Брюкс боролся с управлением, пока машину не развернуло на сто восемьдесят градусов; чудесные, похожие на зефир шины невероятным образом удержали квадроцикл прямо. А потом Дэн рванул на восток по испещренной трещинами долине.

Полынь цеплялась за ноги. Он проклинал собственную слепоту: сейчас ни один уважающий себя выпускник не попался бы в пустыне без рецепторов гремучей змеи, вживленных в глаза. Но Брюкс был старым исходником и в темноте ничего не видел. Даже фонарь на шлеме боялся включить и потому мчался сквозь ночь, проламываясь через окаменевшие кустарники и подпрыгивал на невидимых выступах валунов, проступавших сквозь землю. Одной рукой он порылся в сумках, нащупал очки и нацепил их на глаза. Зеленая зернистая пустыня сразу бросилась на сетчатку.

«02:47», – гласила надпись в углу экрана. Три часа до рассвета. Дэн попытался отпинговать свою систему, но, даже если там уцелела хотя бы часть, она уже была вне доступа. Он подумал, добрались ли зомби до лагеря, и как близко они подошли, чтобы поймать его.

«Не имеет значения. Все, не сможете вы меня поймать, уроды! Не пешком. Даже нежить. Можете попрощаться и поцеловать меня в зад!»

А потом Брюкс проверил уровень заряда и почувствовал, как дико заныло в желудке.

Облачность. Старая батарея, год как отработавшая гарантийный срок. И зарядное покрывало, которое не чистили целый месяц.

Мотоциклу осталось километров десять. Максимум, пятнадцать.

Дэн ударил по тормозам и сделал полукруг, подняв пыльную завесу. За ним тянулся след, безошибочная линия прерывистой бойни, учиненной на поверхности пустыни: сломанные растения и смятые в труху пластинки древнего озерного дна, потрескавшиеся от солнца. Брюкс бежал, но не прятался. Пока он будет в долине, его найдут.

«Интересно, кто?»

Он переключился с ночного видения на инфракрасное и дал увеличение.

«Вот оно!»

Горячая крохотная искорка мелькнула на отдаленном склоне, прямо там, где находился лагерь.

Хотя нет, ближе. Бегать эта тварь умела.

Брюкс развернул мотоцикл и рванул прочь, чуть не упустив вторую, когда та пронеслась по полю зрения, – настолько она была тусклой.

Третью он уже ясно разглядел. И четвертую. Форму на таком расстоянии в термовидении было не разглядеть, но, судя по жару, они походили на людей. И приближались.

Пятая, шестая, седьмая...

«Твою мать!»

Они охватили всю долину, насколько доставал взгляд.

«Что я наделал? Разве они не знают, что это был несчастный случай? И виноват не я, господи ты боже. Я никого не убивал! Просто... не закрыл дверь».

Десять километров. А потом они кинутся на него голодными волками.

Мотоцикл летел вперед. Брюкс набрал 911 – ничего. КонСенсус был жив, но глух к мольбам: серфить Дэн мог, а посылать сообщения нет. Преследователи по-прежнему не показывались на спутниковой термокарте. Судя по данным небоглазов, он был один на один с микроклиматом и монастырем.

Монастырем...

Они точно в сети и помогут! По крайней мере Двухпалатники жили за стеной. Все лучше, чем бежать без всякой защиты по пустыне.

Брюкс нацелился на торнадо. В улучшенном зрении тот корчился словно далекий зеленый монстр, прибитый к земле. Его рев, как обычно, разносился по всей пустыни – слабый, но вездесущий. На секунду Брюкс услышал в нем что-то странное. Монастырь проступал все отчетливее, съездившись в тени огромного двигателя. Мириады крошечных, почти болезненно ярких звездочек горели на фоне низкой путаницы ступенчатых террас.

Три часа утра, а свет в каждом окне.

Звук был уже не такой слабый: вихрь ревел будто океан, и с каждым поворотом колеса его громкость неощутимо поднималась. Он больше не казался застывшим. Ночное видение превратило его в огненный столб, огромный настолько, что он мог поддержать небесный свод или обрушить вниз. Брюкс задрал голову: еще целый километр, а воронка, казалось, нависала прямо над ним. Смерч мог в любую секунду вырваться на волю, подпрыгнуть и рухнуть прямо тут, черт побери, словно палец разгневанного бога, и, где бы ни коснулся, разорвать мир на части.

Брюкс не изменил курс, хотя монстр впереди не мог состоять из воздуха и влаги, быть чем-то настолько... мягким. Это было что-то другое – безумный ветхозаветный горизонт событий, жевавший законы физики. Оно ловило сияние, идущее от монастыря, сажало его в

ловушку и рвало на куски; сплетало со всем, что попадало в поле действия. Крохотное бормочущее существо внутри Дэна умоляло его повернуть, знало, что преследователи не могли быть хуже этого. Ведь, чем бы они ни являлись, их размер не изменился, а смерч напоминал гнев Господень.

Но тут снова заговорил робкий, тихий голос и задал вполне обоснованный вопрос: «Почему торнадо работает на полную мощность?»

Так не должно быть! Смерчевые двигатели никогда не останавливались, но ночью слабели от остывающего воздуха: распылялись, работали на малых оборотах, пока восходящее солнце не возвращало им полную силу. Действующая воронка такого размера и на такой мощности, да к тому же ночью, тратила больше энергии, чем получала. Конденсат от охлаждающих камер уже должен был превратиться в горячий пар, а Брюкс подъехал достаточно близко и расслышал за ревом реактивного двигателя слабый контрапункт: скрип огромных металлических лопастей, вывернувшихся далеко за пределы нормативных показателей.

Свет в монастыре погас.

Понадобилась секунда, чтобы очки увеличили освещение. И в этот момент чистой, красноречивой темноты Брюкс понял, каким был дураком. Только сейчас он увидел, что точечные термоотпечатки находятся впереди него, приближаются и с востока, и с запада. Разглядел силы достаточно могущественные, чтобы взломать спутники слежения на геостационарной орбите, но почему-то не сумевшие ослепить его древнюю сеть от «Телоникс». Он увидел военную машину, безжалостную, как акула, и быструю, как сверхпроводник, выдавшую свое приближение за километры, хотя способную легко пройти мимо ловушек и убить Дэна во сне.

С невероятно высокой точки он увидел, как попал на чужую шахматную доску: в сеть, которая смыкалась, но не вокруг него.

«Они даже не знали обо мне. Пришли за Двухпалатниками».

Брюкс остановился. Монастырь возвышался в пятидесяти метрах впереди, низкий и черный на фоне звезд. Все окна неожиданно закрылись, а подъездные дороги потемнели. Громада здания вырастала из пейзажа вокруг так, словно родилась из него – холм глубоко залегавшей породы, неожиданно пробившийся на поверхность мира. Торнадо маячил за ним крутящимся разрезом в пространстве-времени, примерно в ста метрах. Звук его ярости наполнил все вокруг.

Со всех сторон во тьме сомкнулись свечи.

«03:13», – напомнили очки. Час назад Дэн спал. Времени примириться с неизбежностью собственной смерти не хватало.

«ТЫ В ОПАСНОСТИ», – услужливо подсказали гоглы.

Брюкс мигнул. Красные буквы не исчезли, паря на краю взгляда, – там, где раньше располагался датчик времени.

«ДАВАЙ. ДВЕРЬ ОТКРЫТА».

Он посмотрел за командную строку, обозрел потемневший фасад монастыря. Вот, на уровне земли: слева от широкой лестницы, подчеркивавшей главный вход. Отверстие, куда едва мог протиснуться человек. Там что-то горело температурой тела. У него были руки и ноги. Оно махало.

«ДВИГАЙ ЗАДНИЦЕЙ, БРЮКС! ТЫ, ЭГОЦЕНТРИЧНЫЙ ИДИОТ.
ЗАПЕЧАТЫВАЮ ПРОХОД ЧЕРЕЗ 15С, 14С, 13С...»

Брюкс зашевелил своей эгоистичной тупой задницей.

Так как они сеяли ветер, пожнут бурю.

Книга пророка Осии, 8:7

Внутри тьма обернулась ярким хаосом.

Тепловые сигнатуры людей мерцали в гоглах Брюкса практически в упор, лихорадочно мельтешащими вспышками ложного света. Жар от их прохождения раскрашивал все окружающее бледно-красными и желтыми мазками: грубо отесанные стены, плоскую глухую панель вместо потолка, пол, что неожиданно поддавался под ногами, напоминая какой-то богомерзкий гибрид резины и плоти. Где-то вдали, на непонятном расстоянии, что-то выло и заикалось; здесь же, в коридоре, человеческие радуги двигались с молчаливой стремительностью. Женщина, позвавшая Брюкса внутрь, – миниатюрный и корчащийся тепловой отпечаток ростом не больше 160 сантиметров – схватила его за руку и потянула вперед:

– Меня зовут Лианна. Держись рядом.

Он пошел за ней, переключив гоглы на ночное видение. Сигнатуры исчезли; в пустоте, оставшейся позади, парили яркие зеленоватые звезды, передвигавшиеся парами – бинарными созвездиями, теснящимися и мигающими во тьме. В голове Дэна возникло знакомое слово: люциферин. Фотофоры в сетчатках.

Глаза этих людей напоминали фонари. Он знал аспирантку с такими дополнениями: секс с ней в темноте, мягко говоря, тревожил.

Проводница вела его через звездное поле. Отдаленный вой то усиливался, то затихал; на слова этот звук не был похож, разве что на слоги. Щелчки, крики и дифтонги в темноте. Перед Брюксом возникли яркие глаза, kloчущие холодным белым светом. Усиленные фотоны выписали серое лицо из сплошных линий и углов. Брюкс попытался обойти его, но человек заблокировал путь; глаза горели с такой интенсивностью, что гоглам пришлось снизить усиление почти до нуля.

– Gelan, – каркнуло лицо. – Thofe tessrodia.

Дэн попытался отойти назад, но наткнулся на кого-то и вернулся на прежнюю позицию.

– Eptroph! – вскрикнуло лицо, а тело под ним вдруг рухнуло.

Лианна оттолкнула Брюкса к стене со словами: «Стой здесь и никуда не уходи!» – а сама села на пол. Дэн вновь переключился в терморегим. Вернулись радуги. Нападавший лежал на спине, и его тепловой след горел солнечной вспышкой. Человек бормотал какой-то вздор, его пальцы дергались, словно бегая по невидимой клавиатуре, а левая нога раздраженно выбивала дробь по эластичному полу. Лианна положила его голову себе на колени и разговаривала с ним на том же, совершенно непонятном языке.

Беспрестанный рев смерчевого двигателя поднялся на полтона. За спиной Брюкса задрожали камни.

Яркая, жаркая фигура появилась с другой стороны коридора, плывя против людского потока. Она добралась до них за несколько секунд. Гид Брюкса передала полномочия вновь пришедшему и тут же вскочила на ноги.

– Пошли.

– А что это...

– Не здесь.

Боковая дверь. Лестничный пролет, выстланный той же резиновой кожей, от которой каждая ступенька слегка пищала. Лестница штопором уходила в глубь остывающей скалы, тускнеющей в термовидении с каждым новым шагом. Однако маленькая фигурка впереди горела подобно маяку. Неожиданно в мире вокруг воцарилась тишина: раздавались лишь их собственные шаги и почти инфразвуковое гудение вихревого двигателя.

– Что произошло? – спросил Брюкс.

– А, это Махмуд, – Лианна оглянулась. Ее глаза походили на ослепительно-яркие капли, рот – на алую рану жара. – Вознесение контролировать невозможно, а уж поведение узлов тем более. Время, конечно, неподходящее, но пропускать озарения нельзя, согласен?

Прямо сейчас ему могла открыться тайна путешествий во времени, например. Или лекарство от годем-вируса.

– Ты понимала, что он говорит.

– Типа того. Я именно этим занимаюсь, когда не вывожу заблудших овец из пустыни.

– Ты синтез? – По-простому их звали жаргонавтами. Прославленные переводчики, надежные обязанностью нести с вершины горы тайные скрижали транслюдей, изрезанные достаточно простыми рунами, чтобы жалкие исходники могли их понять хотя бы наполовину.

Рона называла их «моисейными млекопитающими», когда еще жила в этом мире.

Но Лианна покачала головой:

– Не совсем. Я больше... Ты ведь биолог? Синтеты похожи на крыс, а я, скорее, медведь-коала.

– Специалист, – кивнул Брюкс. – В узкой области.

– Точно.

На термооптике появилось слабое оранжевое пятно: снизу пробивалось тепло.

– И ты знаешь, кто я, потому что...

– Мы на переднем крае теистической вирусологии. Полагаешь, мы не знаем, как войти в общественную базу данных?

– Я просто думал, что при атаке зомби есть более неотложные дела.

– Мы приглядываем за окрестностями, доктор Брюкс.

– Это да, но что...

Она остановилась. Брюкс чуть не врезался в нее и лишь потом понял, что они дошли до конца лестницы. Впереди, из-за двери, лился яркий жар. Лианна повернулась и постучала по глазам Дэна:

– Тут они тебе не понадобятся.

Брюкс поднял очки на лоб, и мир снова превратился в тусклую смесь голубых и серых цветов. Грубый камень слева острыми осколками отражал слабое освещение вокруг, стена справа была сделана из гладкого серого металла.

Лианна прошла мимо, направившись обратно к лестнице:

– Мне пора. Можешь наблюдать отсюда.

– Но...

– И ничего не трогай! – крикнула она, поднимаясь, и пропала из виду.

Брюкс свернул за угол. Панели на потолке здесь были такие же темные, как повсюду в монастыре. Комнату, больше похожую на обыкновенный тупик, освещала полоса смаркраски, закрывавшая дальнюю стену от середины до потолка. Она сияла от бессистемного коллажа из тактических экранов, чьи размеры варьировались от крохотных до гигантских, в два метра шириной. Некоторые из них напоминали грубую мозаику зеленого цвета, на других красовались изображения идеальной четкости и высокого разрешения. Перед ними туда-сюда расхаживал мужчина в желтовато-коричневом свободном комбинезоне, ростом, минимум, два метра – от пушистых домашних шлепанцев (шлепанцев?!) до коротко остриженных волос с проседью. Он едва удостоил Брюкса взглядом, пробормотал: «Глас-нет», – и снова повернулся лицом к путанице данных.

«Ну прекрасно».

Коала Лианна сказала, что Дэн может смотреть. Поэтому он подошел ближе и попытался найти какой-то смысл в хаосе.

Верхний левый угол: вид со спутника, настолько четкий, что от него болели глаза. Монастырь находился ровно посередине, как мишень на доске, светясь предательским термоизлучением. Больше никаких горячих пятен. Непонятно, через какое орбитальное око сейчас смотрел Брюкс, но оно было слепо ко всем сигнатурам, приближающимся к комплексу. Дэн потянулся к экрану, желая увеличить картинку, но монах в шлепанцах заворчал, сердито посмотрел на него, и Брюкс решил ничего не делать.

Со спутниковым слежением все. Но, судя по набору термоизображений и окон с картинками в режиме ночного видения, у монастыря имелись свои камеры. Они раскрашивали пейзаж в палитры каждой частоты зримого спектра, от холодной синевы до рубинового сияния, яркого как лазер. Цветовая схема казалась настолько хаотичной, что Дэн задался вопросом, функциональна она или отражает непонятную эстетику Двухпалатников. Свечи горели в каждом окне, и все выглядели одинаковыми.

Они быстро приближались. До монастыря осталось четыре километра.

Что-то сверкнуло на одном из дисплеев: крохотный и яркий солнечный зайчик во мраке ночи. Изображение вспыхнуло на мгновение, следом всё забили электрические помехи. Отрывистый, обжигающий взрыв суперновой. А потом черная дыра в стене и мигающая по центру надпись: «НЕТ СИГНАЛА».

Пальцы монаха летали по краске, вызывая клавиатуры и увеличивая дисплеи. Окна множились, на секунду давали панорамы пейзажа и тут же испарялись. Три заискрились и умерли прежде, чем Двухпалатник успел отправить их на покой.

«Они вырубают наши камеры», – понял Брюкс и рассеянно подумал, когда пораженные Вознесением девианты успели стать для него «мы».

Осталось меньше трех с половиной километров.

Новый набор окон расцвел на стене. Картинка в них оказалась зернистой и лишенной цвета, почти монохромной. Они тоже обозревали пустыню, но что-то в них было другим, хотя и очень знакомым...

Вот оно! Третье окошко наверху: крошечный монастырь затаился на горизонте, а рядом – маленький вихрь. Эта камера смотрела с другого края пустыни.

«Это же моя сеть, – понял Брюкс. – Мои камеры! Значит, кое-что зомби оставили».

Брат Шлепанец установил связь с шестью из них, дал увеличение и повертел каждой. Дэн сомневался, что от них будет толк: дешевые стандартные устройства; подарки, которыми нищих исследователей разводили на комплекты. Все положенные улучшения установлены, но по спектру ничего особенного.

Для монаха они, похоже, вполне сгодились. Во втором окне слева, примерно в ста метрах от камеры источник тепла двигался направо. Камера автоматически проследила за целью, пока монах увеличивал картинку. Постепенно изображение становилось все более четким.

Еще один монастырский глаз вспыхнул и умер, а его дальномер померк секунду спустя.

Три целых и две десятых километра...

«Это почти девять метров в секунду. Бегом...»

– А что будет, когда они сюда доберутся? – спросил Брюкс.

Шлепанец не ответил. Похоже, его заинтересовал отдаленный термослед на третьей камере: небольшая машина, мотоцикл; самый обыкновенный дизайн, такой же, как...

«Минуту!»

– Это же мой мотоцикл, – пробормотал Дэниэл, нахмурившись. – А это... я...

Шлепанец соизволил бросить на него взгляд и покачать головой:

– Идизел.

– Нет, послушай...

Картинка получилась смазанная, а отслеживающие алгоритмы телониксовского стэдикама в полевых условиях никогда надежностью не отличались. Но у человека, сидевшего на мотоцикле, были усы Брюкса, его квадратное лицо и куртка с уймой карманов, которая вышла из моды задолго до того, как перешла к Дэну по наследству двадцать лет назад.

– Вас взломали, – настаивал Брюкс. – Это запись. Наверное, кто-то... – «Заснял меня?» – Да ты просто взгляни!

Вырубились еще две камеры. Итого семь. Шлепанец даже пространство не стал очищать, закрывая каналы. Что-то еще привлекло его внимание. Он постучал по краю окна с обыкно-

венным видом на пустынное небо. Звезды, рассыпанные по дисплею, сверкали как крупинки сахара на бархате. Брюксу захотелось упасть в эту бездну и затеряться в мирной красоте ночи без тактических оверлеев или поляризованных усилений.

Но даже здесь монах нашел нечто, разрушившее весь пейзаж: краткую вспышку, мутный красный ореол по краям овальной заплаты на звездном поле, мелькнувший буквально на секунду. Дисплей чуть слышно щелкнул и еле заметно сфокусировал изображение – а потом звезды вернулись, девственные и нетронутые.

Только над западным хребтом теперь висела огромная дыра, в которой ничего не сверкало. Что-то ползло по небу, пожирая звезды на своем пути. Холодное будто стратосфера – по крайней мере термосканы его не фиксировали. И оно было огромное, закрывало добрых двадцать процентов горизонта, хотя все еще...

Не сработал дальномер. Нет термических следов. Если бы не трюки с микролинзированием, которые сейчас выдал Шлепанец, даже затмение древнего звездного света ничем не выдало бы этот объект.

«Кажется, я выбрал не ту сторону», – подумал Брюкс.

Две тысячи триста метров. Через пять минут зомби постучатся в дверь монастыря.

– Карусель, – пробормотал монах, и что-то в его голосе заставило Дэниэла пристальнее взглянуть на старика.

Тот улыбался, глядя не на замаскированного исполина, марширующего через Пояс Ориона, а на смерчевой двигатель. Аудиосигнал от торнадо не шел: он безмолвно вертелся в окне, озаренном светом ночного видения; скованный зеленый монстр рвал воздух вокруг себя. Брюкс слышал его: он ревел в памяти, изгибая трубки и лопасти структуры, породившей вихрь, тряс все скальное основание. Дэн чувствовал, как эта дрожь отдается в подошвах ботинок. Брат Шлепанец вывел новое окно – уже не с видеотрансляциями и не тактическими оверлеями, а с инженерными показателями, ламинарными сигналами, уровнем влажности, а также датчиками вращения, скорости и потока сжимаемой жидкости, расположенными вдоль пятисот метров высоты. С одной стороны от каркасного диска, помеченного как «ВЕКТ/ЗАРЯД», росли тысячи иконок по периметру; сотни других описывали оси и вихри в его сердце. Нагревательные элементы. Противоточные обменники. Микшерный пульт дьявола!

Шлепанец кивнул, будто самому себе:

– Смотри!

Иконки и мощности начали двигаться. В показателях не произошло ничего драматичного: ни резких ускорений, ни сирен, никаких зашкаливаний. Только еле заметное изменение в уровне впрыска с одной стороны, нежнейшая ласка конвекции и конденсации – с другой.

В окне зеленый монстр поднял палец.

«Твою мать! Они собираются его освободить».

По датчикам пронеслась желтая волна. Десяток иконок в основании этого неожиданного солнечного соцветия стали оранжевыми, парочка и вовсе покраснела.

Торнадо с тяжеловесной и неумолимой величием оторвался от земли и направился в пустыню.

Он накинудся на двух зомби. Брюкс все видел по трансляции, следившей за перемещениями воронки; видел, как цели сломали строй и свернули на скорости, с которой обыкновенные человеческие ноги просто не могли нести тело, и понеслись зигзагами будто пьяные духи оживших олимпийцев.

Впрочем, с таким же успехом они могли стоять как вкопанные. Торнадо всосал ничтожные кляксы телесного жара в небо так быстро, что от них и остаточного изображения не осталось. Потом несколько секунд колебался на месте, зарылся в землю огромным слоновьим хобо-

том, пожирая грязь, гравий и валуны размером с автомобиль. И снова пошел вперед, вырезая свое имя на лице пустыни.

В гараже, откуда только что вырвался монстр, вихри влаги конденсировались по новой.

Торнадо прошел через периметр нежити, взяв курс на северо-запад. Подпрыгнул еще раз, вознеся над землей огромную разящую ногу, с которой дождем полились останки перемолотой в пыль пустыни. Отдаленная автономная подпрограмма в разуме Брюкса – какой-то логический ганглий, не подверженный воздействию трепета, страха или угрозы, – задался вопросом о сомнительной эффективности решения бросить целую погодную систему на двух жалких солдат и о ничтожно малых шансах попасть в цель при такой безумной траектории. Но в следующую секунду она заткнулась и больше не говорила.

Торнадо не просто ушел в спокойную ночь, а направился к отдаленной фигуре на мотоцикле – прямо к Брюксу.

«Это же невозможно, – подумал он. – Нельзя управлять торнадо, этого никто не умеет делать. Максимум, можно освободить его и быстро смыться в сторону. Это невозможно, невозможно! И меня там нет».

Но что-то там было, и оно знало, что на него охотятся. Историю рассказали взломанные камеры Брюкса: мотоцикл сбился с прямой траектории и начал серию маневров уклонения, от которых любой человек вылетел бы из сиденья. Машина крутилась и тормозила, выбрасывая из-под колес облака пыли, сапфирами сиявшие в усиленном звездном свете. Смерч, покачиваясь, подполз ближе. Они скользили по пустыне словно партнеры в диком, жутком танце с арабесками и невозможно крутыми поворотами. Ни разу не попали в ритм. Ни один не слушался другого. И все равно их будто связывала невидимая прочнейшая нить, неумолимо затягивавшая танцоров в объятия друг друга. Брюкс наблюдал, загипнотизированный зрелищем своего восхождения: мотоцикл уже не мог вырваться с орбиты чудовищной немезиды. На секунду Дэниэлу показалось, что он может освободиться – то ли воображение разыгралось, то ли воронка действительно стала тоньше, – но в следующую минуту двойник потерял почву под ногами и ринулся навстречу смерти.

В то же самое мгновение он изменился.

Брюкс не совсем понял, как. Это случилось очень быстро, даже если бы вокруг не вращались тучи грязи, а зернистость разогнанных протонов не застилала вид. Но выглядело все так, будто изображение Дэниэла Брюкса и его верного скакуна раскололось, будто что-то внутри пыталось сбросить надоевшую шкуру и вырваться на волю, оставив на поживу небесному зверю скорлупу, как ящерица хвост. Но тут надвинулся водоворот, все заволокла метель из пыли и камней. Воронка явно слабела, но еще обладала достаточной силой, чтобы засосать жертву целиком. И достаточной яростью, чтобы разбить ее на куски.

Нежить разорвала строй.

Это не походило на отступление или скоординированные действия. Свечи просто прекратили атаку и замелькали в окнах туда-сюда в девятистах метрах от монастыря – без четкого направления, напоминая движение броуновских частиц. Далеко за ними насытившийся вихрь отправился к северу: рассеивающаяся волокнистая тварь, выдыхающаяся на глазах.

– Димик, – со знанием дела кивнул Шлепанец. – Идизел.

Новорожденный смерч бушевал около монастыря, пытаясь вырваться из пут. Он был меньше предшественника, но почему-то злее. Желтые иконки расцвели по «ВЕКТ/ЗАРЯД» бушующим пожаром. А в небе что-то принялось пожирать ноги созвездия Близнецов.

На стене распахнулось еще одно окошко – изумрудная мешанина из букв и цифр. Шлепанец моргнул и нахмурился, словно не ожидал такого поворота. Греческие уравнения, кириллические сноски и даже россыпь английских слов плыли по новому экрану. Не телеметрия. Не входящий сигнал. Судя по информационной строке, исходящая трансляция: Двухпалатники отправляли кому-то послание.

Все мелькнуло слишком быстро: даже если бы Брюкс владел русским, он все равно ничего не понял бы, однако обрывки английского текста запомнились. Например, «Тезей» и «Икар». Что-то про «ангелов» и «астероиды» вспыхнуло прямо посередине экрана и тут же исчезло.

Еще больше символов и цифр: на сей раз – три параллельные колонки красного цвета. Кто-то отвечал.

Мельтешение зомби в пустыне остановилось.

– Хм, – сказал Шлепанец и поднес палец к правому виску.

Только сейчас Дэн заметил старомодный наушник, аудиоантиквариат, уцелевший с эпохи до кортикальных имплантатов и костяных проводников. Монах склонил голову, прислушиваясь. На стене красно-зеленый шквал превратил идущую беседу в рождественскую мишуру.

На экране управления смерчем оранжевые и красные иконки остыли до желтого. Прикованный вихрь прекратил биться в загоне и спокойно вертелся, подчиняясь приказам. Где-то на полпути к горизонту его старший брат рассеялся мерцающим туманом оседающей пыли.

Пустыня мирно покоилась под брюхом невидимой твари в небесах.

Несколько минут назад Брюкс видел там свою собственную смерть. Или спасение на самом краю. Смерть кого-то, похожего на него (как минимум). До последнего мгновения, прежде чем водоворот его разжевал и выплюнул. В ту же секунду зомби... отклеились.

«Идизел», – произнес тогда Шлепанец. Во всяком случае, Брюкс услышал нечто подобное. «Идизел».

Может, какой-то узел?

– Идиузел? – громко сказал он.

Монах повернулся и поднял бровь.

– Идиузел, – повторил Брюкс. – Что это?

– Узел искусственного идиотизма. Он взламывает местные архивы наблюдений для маскировки. Реакция как у хамелеона.

– Почему я? Почему... невидимые корабли в небе? Откуда вообще все это? И почему просто не замаскироваться, как штука наверху?

– Термоизлучение нельзя скрыть, не перегревшись, – объяснил монах. – По крайней мере надолго. Особенно если ты теплокровный. Поэтому лучший способ – притвориться кем-то другим. Динамическая мимикрия.

«Димик».

Брюкс хмыкнул и покачал головой:

– Ты не из Двухпалатников?

Шлепанец еле заметно улыбнулся:

– А ты принял меня за одного из них?

– Это монастырь. Ты говорил, как...

Шлепанец тряхнул головой:

– Я тут в гостях.

«Аббревиатуры»⁵.

– Ты военный, – предположил Брюкс.

– Вроде того.

– Дэн Брюкс, – он протянул руку.

Второй мужчина какое-то время смотрел на нее, затем ответил рукопожатием:

– Джим Мур. Добро пожаловать на перемирие!

– Что произошло?

– Они пришли к соглашению. Пока.

⁵ У самой первой аббревиатуры «Глас-нет», которой Мур встречает Брюкса, вполне буквальное значение «Гласа нет». Аббревиатура имеет русские корни и значит как приказ хранить тишину, так и полное молчание в эфире.

– Они?

– Монахи и вампир.

– А я думал, там были зомби.

– Там – да, – Мур постучал по стене. Вдалеке появился источник тепла, яркая одинокая точка за линией фронта. – А тут – нет. Зомби ничего не могут, если кто-то не дергает их за ниточки. Теперь она придет лично.

– Она?

– Вампириша. Одна штука, – он помедлил, затем добавил, будто это только что пришло ему в голову: – Эти твари плохо работают в команде.

– Я и не знал, что мы их выпускаем. Думал, их обычно держат.... Ты сам знаешь... в изоляции.

– Я тоже. – От бледного мерцающего света лицо Мура, казалось, побелело. – Не знаю, что с ней случилось.

– И что она имеет против Двухпалатников?

– Понятия не имею.

– Почему она остановилась?

– Враг моего врага.

Брюкс задумался на секунду.

– Ты думаешь, у нас есть проблемы посерьезнее? Э... общая угроза?

– Потенциально.

В пустыне крохотная точка жара достаточно выросла, чтобы передвигаться на ясно видимых ногах. Она вроде не бежала, но пересекала долину гораздо быстрее любого исходника.

– Значит, теперь я могу уйти, – сказал Брюкс.

Старый солдат повернулся к нему. Сожаление в его глазах смешалось с отражениями тактических данных.

– Нет, тут без шансов.

Или себя изживет война, или люди.

*Р. Бакминстер Фуллер*⁶

Около двери в центральном зале стояли два охранника – по одному с каждой стороны, похожие на парочку мрачных големов в одинаковых пижамах. Брюкса внутрь никто не приглашал, и он следовал за Муром, держась в отдалении; шел вдоль коридора – другой цели пока не придумал. Туда-сюда носились Двухпалатники, наверное, решали какие-то вопросы, связанные с приручением вооруженного торнадо. В лучах утреннего света, пробивающихся сквозь окна, монахи казались совсем не примечательными: ни загадочных завываний, ни облачений и ряс с капюшонами – вообще никакой униформы. По крайней мере Брюкс ее не заметил. Пара человек носили джинсы, а еще один, уткнувшийся в такпад, был полностью голый; на его груди лишь корчилась подвижная татуировка крылатого животного, которого явно не было ни в одной таксономической базе данных.

А вот звезды светились в глазах у каждого монаха.

Мур прошел мимо охранников в комнату. Брюкс украдкой и с опаской последовал за ним. Часовые стояли как каменные: взгляд устремлен вперед, бежевые комбинезоны одинаково безлики, на поясе – пустые кобуры. Двигались только их тусклые глаза. Они тряслись и мельтешили, описывая панические маленькие арки: туда-сюда и вверх-вниз, будто перепуганные души заживо похоронили во влажном цементе. Кто-то в зале кашлянул. Четыре глаза как

⁶ Ричард Бакминстер Фуллер (1895–1985) – американский архитектор, дизайнер, инженер и изобретатель. Изобрел геодезический купол и является автором термина «синергетика».

по команде обратились в сторону звука и на секунду синхронизированно замерли в квадранс-копическом дальнем фокусе, потом сорвались и вновь стали дергаться в глазницах.

Брюкс читал, что среди тех, кто до сих пор предпочитал секс в реале, зомби пользовались постоянным спросом. Он попытался представить, как трахаться с существом, у которого такие глаза. И вздрогнул.

Дэн шел вдоль дальней стены. Отсюда было видно всю комнату: Джим Мур, стол с голограмм-дисплеем в режиме ожидания, несколько Двухпалатников, кивающих друг другу. И женщину: стройную как гончая под обтягивающим трико; бледное, словно из костяного фарфора лицо под игольчатой копной коротко стриженных черных волос; челюсти чуть больше положенного выступают вперед, и от этого любой явной жертве не по себе. Она повернулась, когда Брюкс робко зашел внутрь. Ее глаза вспыхнули точно у кошки. Вампириша обнажила зубы – у любого другого существа на ее месте получилась бы улыбка.

Дверь закрылась.

– Эй, голоден?

Дэн подпрыгнул, когда кто-то положил ему руку на плечо, но это оказалась стройная женщина с дредами и теплой, а не вымораживающей улыбкой. Кожа равномерного шоколадного оттенка, а не всех цветов радуги, как ночью. Голос он узнал.

– Лианна, – хмыкнул Брюкс и взял ее за руку. – Ты – первый человек здесь в реальных монашеских одеяниях.

– Это банный халат. Мы форму не носим. – Она дернула подбородком в направлении коридора. – Пошли. Завтрак.

Они набрали еду в столовой, которая напоминала обычное кафе; Брюкс с облегчением увидел клонированный бекон, так как боялся, что Двухпалатники окажутся веганами-традиционалистами. Ели на широких ступеньках главного входа, наблюдая, как в пустыне постепенно тают утренние тени. Тихое шипение праздного торнадо доносилось из-за стен позади.

– Лихая выдалась ночка, – сказал Брюкс, пережевывая омлет.

– Утро не лучше.

Он поднял глаза: далеко наверху аэробус прочертил белую линию в небе.

– О, та штука еще над нами, – заметила Лианна. – Она иногда мерцает на высоких длинах волн, если внимательно посмотреть.

– Я ничего не вижу.

– Какие у тебя имплантаты?

– В глазах? Никаких, – Брюкс снова взглянул на горизонт. – Мне впаяли криптопигмент, когда тот был в моде: я подумал, что так не заблужусь в Коста-Рике. Помнишь рекламу? «Теперь вы никогда не потеряетесь». И вдруг неожиданно стал видеть не только магнитное поле Земли, но и ореол вокруг каждого такпада и зарядной циновки. Ужасно отвлекает!

Лианна кивнула:

– Дело привычки. Если слепому вернуть зрение, понадобится время, чтобы снова научиться видеть.

– У меня терпения не хватило. Пигмент по-прежнему в сетчатке, но я его заблокировал через неделю.

– Однако ничего себе, ты старомодный.

Брюкс еле сдержал раздражение: «Вдвое меня моложе, наверное, уже забыла разницу между мясом, с которым родилась, и искусственными пигментами».

– У меня есть обычные мозгоусилители. Без них сейчас на работе не удержаться. – «Кстати говоря...» – Я так понимаю, когнитала тут не достать? Свой оставил в лагере.

Лианна широко раскрыла глаза:

– Ты принимаешь таблетки?

– Это то же самое...

– Нужно десять минут, чтобы установить насос, но ты глотаешь таблетки. – Она широко и глупо улыбнулась. – Ты не старомодный, а родом из палеолита.

– Ой, я рад, что тебе так весело, Лианна. Таблетки есть или нет?

– Нет, – она поджала губы. – Думаю, можно немного синтезировать. Я спрошу. Или можешь сам попросить Джима. Он тоже, в общем...

– Старомодный, – договорил Дэниэл.

– Не совсем. Ты удивишься, сколько у него в голове всяких штук.

– Я удивлен, что он вообще с вами. Военный в монастыре?

– Ах да! Ты думал, что мы все ходим в банных халатах.

– Он помогает вам вести войну против вампиров? – Брюкс поставил пустую тарелку на ступеньку рядом с собой.

Лианна покачала головой:

– Он тут... ему было нужно место для работы. И думаю, он немного шпионит за нами. – Она склонила голову. – А ты?

– Меня сюда загнали.

– Я имею в виду, что ты делал в поле? Там еще остались виды, которые не каталогизировали и не оцифровали?

– Вымирающие, – коротко бросил Брюкс, затем смягчился. – Конечно, сейчас в лаборатории можно виртуализировать все, но сказать, что происходит в большом плотском мире с миллионом непредсказуемых переменных, невозможно.

Лианна взглянула на плоскую долину. Дэн проследил за ее взглядом. Там, на северо-западе, высилась гряда, на которой последние два месяца ютился его дом. Отсюда его было не видно.

– Скажешь мне, что происходит? – спросил он наконец.

– Ты попал под перекрестный огонь.

– Какой еще огонь? Почему зомби...

– Вампириша. Ее зовут Валери.

– Шутишь?

Лианна пожала плечами.

– Значит, вампириша Валери призвала отряд зомби и бросила его против Двухпалатников. Теперь все они сидят в соседней комнате, хрустят чипсами и попивают коктейли, потому что... Мур говорил о каком-то общем враге.

– Это сложно объяснить.

– Постарайся.

– Ты не поймешь, – она попыталась улыбнуться. – У тебя сейчас нехватка когнитала... – Ожидаемого эффекта фраза не произвела.

– Слушай, мне очень жаль, что я без спроса явился на вечеринку, но...

– Дэн, дело в том, что мне известно не больше твоего, – Лианна развела руками. – Но одно я могу сказать точно: тебе придется им довериться. Они знают, что делают.

Она разве что по голове его не похлопала.

Брюкс встал:

– Рад слышать. Тогда развлекайтесь, и спасибо за завтрак.

Лианна посмотрела на него:

– Ты знаешь, что ничего не выйдет. Джим говорил тебе об этом.

– Скажешь, куда вы дели мотоцикл, или мне придется идти пешком?

– Ты не можешь уйти, Дэн.

– Вы не имеете права держать меня здесь.

– Тебе не о нас нужно беспокоиться.

– Кто это «вы»? Двухпалатники, вампиры, коалы?

Лианна, прищурившись, ткнула пальцем в пустыню:

– Взгляни туда, на гряде.

Брюкс подчинился. Поначалу он ничего не увидел, а затем что-то сверкнуло в утренних лучах – искорка на склоне.

– Теперь посмотри наверх, – попросила Лианна.

Яркий осколок вонзился Дэн в глаз с небес на востоке, солнечный свет отразился от пустоты.

– Не о нас, – повторила Лианна. – О вас.

– То есть?

– О людях вроде тебя. Исходниках.

Он промолчал.

– Валери взломала немало спутников, чтобы вывести войска на позицию. Прошлой ночью для железа на орбите целый кусок пустыни выпал из поля зрения на добрых четыре часа. Это привлекло внимание некоторых людей. Кто-то, скорее всего, успел запустить в местную зону парочку дронов и увидеть маневры нашего двигателя. А его танцевальные па, скажем так, несколько опережают развитие техники в остальном мире. – Лианна вздохнула. – Двухпалатники не один год внушали страх власть предержащим. Слишком много открытий, прорывов, и все чересчур быстро происходит. В общем, как всегда. Эти люди постоянно следили за нами. Теперь, насколько им известно, мы развязали войну с кучкой зомби. И они это так не оставят, Дэн. Увидев такое, накроют сетью заповедник целиком.

«И я их в этом не виню», – подумал Брюкс.

– Я же ни при чем. Ты сама сказала.

– Ты свидетель, и тебя будут допрашивать.

– Ну допросят, – пожал плечами Дэн. – Ты же мне ничего не рассказала. А я не видел ничего, что не смог бы заметить обычный дрон.

– Ты видел гораздо больше, чем понимаешь. Все так видят. И когда они это узнают, допрос станет довольно агрессивным.

– Тогда кто ты у нас? Мой личный страж? Будешь меня кормить, выгуливать и следить, чтобы я ненароком не забрел в комнату, где разговаривают взрослые. И дергать за поводок, если попытаюсь сбежать. Я прав?

– Дэн...

– Слушай, ты ставишь меня перед выбором между вампиршей с армией зомби и «людьми вроде меня, исходниками», как ты деликатно выразилась.

Лианна тоже встала:

– Я не ставлю тебя перед выбором.

– Мне придется уйти. Я не могу провести здесь остаток жизни.

– Если ты попытаешься уйти сейчас, именно так все и будет.

Брюкс посмотрел на нее: тоненькая как ива женщина едва доставала ему до груди.

– Ты хочешь меня остановить?

Лианна посмотрела на него, не мигая:

– Попытаюсь. Если придется. Но я надеюсь, что до этого не дойдет.

Дэн долго стоял, не двигаясь. Потом подобрал тарелку с лестницы.

– Пошла ты... – и зашел внутрь.

В тюрьме ему предоставили полную свободу: Лианна отступила, как только он поплелся через зал, мимо бормочущих верующих и гиперкинетического взгляда застывших зомби, закрытого совещания врагов и открытых дверей спален, кабинетов и ванных комнат. Поначалу Брюкс шел без всякой цели, сворачивая в первый попавшийся коридор и выходя из тупиков.

Ноги работали автономно, пока внутри сосало под ложечкой. Спустя какое-то время непонятная, упрямая боль в глазах вернула Дэна к реальности. Он осознанно огляделся вокруг и решил снова посетить дозорную башню Мура в подвале: там все было знакомо и можно раздобыть кое-какую тактическую информацию.

Однако Брюкс не смог найти лестницу вниз. Помнил, что Лианна провела его через отверстие в стене, и как появился оттуда после перемирия. Ход вниз находился где-то в центральном коридоре, за одной из дубовых дверей-близнецов, но вся перспектива оказалась ему незнакома. Он будто очутился в странной пародии на место, откуда ушел час назад. Возникло ощущение, что, пока он сидел снаружи, планировка монастыря слегка изменилась.

Брюкс начал толкать двери наугад. Третья оказалась приоткрыта, и за ней кто-то тихо бормотал. Дверь легко поддавалась, и он увидел внутреннее пространство, отделанное гладкими панелями из твердой клонированной древесины. Комната походила то ли на библиотеку, то ли на картографический зал; дальний ее конец выходил на травянистый луг, обнесенный забором. Часть поляны освещало яркое солнце, все остальное было скрыто в тени. За скользящими стеклянными дверями, на безупречном газоне торчали странные объекты, разбросанные в случайном порядке. Брюкс не мог понять, машины это, скульптуры или недоделанные гибриды тех и других. Более-менее привычной казалась лишь неглубокая чаша на квадратном пьедестале высотой по пояс человеку. Такая же стояла внутри комнаты, рядом со столом для совещаний, расположенным в центре. Около него стояли два совершенно разных Двухпалатника, глазевших на коллекцию объектов, напоминавших игральные кости и рассыпанных то ли по карте, то ли по древней игровой доске. Монах-японец костлявостью походил на пугало, а белый вполне сошел бы за Санта-Клауса на рождественской распродаже, если бы его одели в соответствующие шмотки и засунули под рубаху подушку.

– Наверное, из Квинсленда, – заметил Санта. – Там выращивают лучшие нейротоксины.

Японец набрал пригоршню предметов (теперь Брюкс разглядел, что это не игральные кости, а многогранники, чем-то напоминавшие красно-коричневое макраме) и выложил их на доске полумесяцем.

Белый задумался:

– Нет, по-прежнему мало. Даже если бы мы в срочном порядке смогли насухо просеять пояса Ван Аллена ⁷. – Он рассеянно почесал шею и, похоже, лишь тогда заметил Брюкса. – Ты – беженец.

– Биолог.

– В любом случае, добро пожаловать, – Санта причмокнул. – Я – Лаккетт.

– Дэн Брюкс, – он принял кивок мужчины за приглашение и приблизился к столу. Узор на игровой доске – многоцветная спираль из переплетенных решеток Пенроуза – был сложнее тех, что Брюкс помнил по дедушкиному чердаку. Казалось, стоило отвернуться, и рисунок принимался двигаться, словно полз куда-то.

Пугало щелкнул языком, не сводя глаз со стола.

– Не обращай внимания на Масасо, – заметил Лаккетт. – Он – не большой любитель нормальных разговоров.

– Тут все страдают глоссолалией?

– Глоссо... А, ты это имеешь в виду, – Лаккетт тихо рассмеялся. – Нет, у Масасо, скорее, афазия, но можно и так сказать. Когда он не подключен, конечно.

Японец с хаотичной точностью высыпал на стол еще несколько красно-коричневых костяшек. Санта снова засмеялся и покачал головой.

– Он говорит с помощью настольных игр, – предположил Брюкс.

⁷ Пояса Ван Аллена – кольцевидные зоны высокой концентрации заряженных частиц, создаваемые магнитным полем планеты.

– Почти. Кто знает? Может, когда я закончу обучение, стану общаться так же.
– А ты еще не... – Ну, конечно, нет.
У него не сверкали глаза.
– Пока нет. Послушник.
Это можно было понять хотя бы по тому, что Санта говорил по-английски.
– Я пытаюсь найти комнату, в которой сидел прошлой ночью. В подвале, винтовая лестница, чем-то напоминает военный бункер.
– А, логово полковника. Это северный зал – первый поворот направо и вторая дверь слева.
– Спасибо.
– Не за что, – Лаккетт отвернулся, когда Масасо щелкнул и бросил кости. – Чтобы сойти с орбиты, антивещества более чем хватает. Как минимум, удастся сэкономить на химической массе.
Положив руку на дверную ручку, Брюкс замер:
– Что это значит?
Лаккетт оглянулся:
– Мы тут планы набрасываем. Беспокоиться не о чем.
– У вас есть антивещество?
– Скоро появится, – Санта ухмыльнулся и погрузил ладони в умывальную чашу. – Если на то будет воля Божья.

Большая часть тактического коллажа в подвале потемнела или корчилась от аналоговых помех. На шести экранах судорожно мерцали сигналы, идущие с разных камер: пустыня, пустыня, пустыня. Никаких данных со спутника. То ли Мур отключил трансляции, то ли те, кто установил блокаду, закрыли небо до самого горизонта.

Брюкс для проверки постучал по неосвещенному участку краски. Тот на секунду вспыхнул красным, но больше ничего не случилось.

Работающие окна продолжали меняться. Похоже, в систему был встроен датчик, реагирующий на движение: панорамы сменяли неожиданные увеличения, камеры моментально сосредоточивались то на мелькнувшей тени, то на отдаленном склоне. Иногда Брюкс не замечал ничего, достойного пристального внимания: сокол чистил перья на ветке, больше похожей на кость скелета; нора пустынного грызуна зияла в отдалении... Раз или два в объектив камер попадал камешек, катящийся по склону: щебень, сдвинутый с места невидимой помехой.

Всего раз пара стеклянных отражений взглянула в ответ, полускрытая листьями и кустарником.

– Тебе помочь?

Джим Мур протянул руку над плечом Брюкса и постучал по экрану. Под пальцами возникло новое окно, солдат растянул его вширь, отыскал вид с нужной камеры и тут же дал увеличение на расщелину, раскалывающую холм к югу. Брюкс сразу отошел в сторону и признался:

– Я пытался выйти в сеть. Посмотреть, не прознал ли кто про весь этот... карантин.
– Здесь только локалка. Думаю, у Двухпалатников никогда не было доступа к Быстронету.
– Они боятся взлома?

Насколько Дэн знал, последнее время этот тренд только усиливался – перед лицом шока от настоящего люди, несмотря на все юридические последствия, отделялись от сети в целях обороны. Они начали взвешивать издержки и выгоды, предпочитали хотя бы день-два проводить за пределами паноптикона, даже осознавая неизбежность штрафов и задержек.

Мур покачал головой:

– Я полагаю, он им не нужен. Ты, например, плохо себя чувствуешь без доступа к телеграфной сети?

– Что такое телеграф?

– Вот именно, – что-то отвлекло полковника. – Хм... Это нехорошо.

Брюкс проследил за его взглядом и уставился на расщелину в недавно открытом окне.

– Я ничего не вижу.

Мур сыграл небольшое арпеджио на стене, и ложными цветами расцвело изображение: во фрактальной синеве нечто евклидовых форм засияло желтым.

Джим еще раз хмыкнул:

– Похоже на аэрозольную установку.

– Парни из твоих?

Уголок рта Мура едва заметно опустился:

– Не могу сказать наверняка.

– А чего говорить-то? Ты же солдат! И они – солдаты, разве что правительство заключает контракты с...

– И биотермы. Они не доверяют ботам управление. – В голосе старого солдата звучал намек на удивление. – Значит, там еще и исходники.

– С чего бы?

– Хрупкие эго. Низкая самооценка. – Он провел пальцами по почерневшей стене, и яркие окна вспыхнули в местах касаний.

– По крайней мере вы все на одной стороне. Так?

– Это работает иначе.

– И что ты имеешь в виду?

– Цепь командования уже не та, – слабо улыбнулся Мур. – Теперь она более... органическая, если можно так сказать. – Еще один танец пальцами: все окна уменьшились и переместились в пустое пространство на краю стены. – В любом случае, пока они занимают позиции. У нас есть время.

– Как прошло совещание? – спросил Брюкс.

– Оно еще идет. Мне не было смысла прохлаждаться там после всех положенных приветствий. Я бы их замедлил.

– Позволь предположить: ты не можешь сказать мне, что происходит, и это вообще не мое дело.

– С чего мне так говорить?

– Лианна сказала...

– Доктора Латтеродт на совещании не было, – напомнил Мур.

– Хорошо. Ты можешь сказать мне хоть...

– Светлячки.

Брюкс моргнул:

– Они тут... А, ваш общий враг!

Мур кивнул.

Вспомнились перехваченные переговоры, скользящие по экрану рождественской мишурой.

– «Тезей». Экспедиция что-то нашла?

– Возможно. Пока ничего определенного, лишь... намеки и предположения. Никаких точных данных.

– И все-таки.

Инопланетная сила, способная одновременно, без всякого предупреждения сбросить в атмосферу Земли шестьдесят тысяч наблюдательных зондов. Сила, которая появилась и исчезла за секунды, застав планету со спущенными штанами, и получила бог знает сколько

компрометирующих снимков, по бог знает какому числу волн, прежде чем папарацци сгорели в атмосфере и превратились в неотслеживаемую железную пыль. Сила, подобную которой никто никогда не видел ни до, ни после, несмотря на все усилия ее найти.

– Полагаю, светлячков можно признать общей угрозой, – согласился Брюкс.

– Полагаю, так, – Мур снова обернулся к военной стене.

– А почему они вообще начали драться? Какие претензии у вампирши к горстке монахов?

Полковник какое-то время молчал, затем произнес:

– Ничего личного, если ты подумал об этом.

– Что тогда?

Мур вздохнул:

– Ну... дело привычное, как везде. Увеличение энтропии. Война реалистов против Небес.

Наногистомиты в Хоккайдо. Исламабад в огне.

Брюкс удивленно моргнул:

– Но Исламабад еще...

– Черт! Забежал вперед. Дай срок, – полковник пожал плечами. – Брюкс, я не пытаюсь говорить уклончиво. Ты попал в переплет, поэтому я скажу тебе то, что смогу, – если это не подвергнет тебя еще большей опасности. Но многое придется принять... на веру.

Дэн еле сдержал смех. Мур взглянул на него.

– Прости, – объяснил. – Просто сейчас столько всего говорят о Двухпалатниках, их научных открытиях и поиске Истины. Наконец я попал внутрь этого огромного здания и слышу только: «Поверь», «Если на то будет воля Божья» и «Прими на веру». В смысле, по идее, этот орден основан на поиске знаний, а правило номер один здесь – не задавай вопросов.

– Дело не в том, что у них нет ответов, – ответил Мур, помедлив. – А в том, что мы, по большей части, не можем их понять. Можно, конечно, прибегнуть к аналогиям. Запихнуть трансгуманистические озарения в крошечные формочки человеческих представлений. Но тогда получишь, в основном, кровоточащие метафоры с переломанными костями. – Он поднял руку, предвидев возражения Брюкса. – Я знаю, это страшно раздражает. Просто у людей есть одна очень дурацкая привычка: они считают, что осознали реальность, если поняли аналогию. Когда упрощаешь нейрохирургию до уровня дошкольника, не стоит удивляться, что ребенок взял микроволновой скальпель и начал резать, пока никто не видит.

– Тем не менее, – Брюкс взглянул на стену, где сияли желтые и оранжевые буквы «АЭРО-ЗОЛЬНАЯ УСТАНОВКА». Там, где прошлой ночью бушевал смертельный торнадо. – Двухпалатники решают свои проблемы вполне в духе старых добрых источников.

Мур еле заметно улыбнулся:

– Это да.

Дэн нашел Лианну на лестнице перед входом. Синтет смотрела на закат, держа поднос с ужином на коленях, и оглянулась, когда Брюкс открыл дверь.

– Я спрашивала про мозгоусилители. Безрезультатно. Линия сборки то ли занята, то ли еще что.

– Все равно спасибо.

– Может, они есть у Джима? Если ты еще не спрашивал.

Брюкс взял поднос в одну руку, а второй принялся массировать лицо, пытаясь унять боль в глазах.

– Ты не против, если я сяду рядом?

Она махнула рукой вдоль ступени, широкой и массивной, как в соборе.

Дэн принял приглашение, взял тарелку:

– Я хочу сказать по поводу утра...

Она глядела в сторону горизонта. Солнце в ответ озаряло лучами ее лицо и подчеркивало скулы.

– Извини, – закончил Брюкс.

– Забудь! В клетке никому не нравится.

– И все же. Мне не стоило набрасываться на гонца с дурными вестями.

Неожиданный порыв ледяного ветра обдал плечи.

Лианна покачала головой:

– По-моему, бросаться вообще ни на кого не стоит.

Дэн поднял глаза. С неба подмигивала Венера, и он задумался, попали эти фотоны ему в зрачок по прямой линии, или им в последнюю наносекунду пришлось маневрировать вокруг разлива изгибов и углов. Бросил взгляд на растрескавшуюся пустынную землю, пристально посмотрел на иззубренную топографию вдалеке. Задался вопросом, сколько невидимок прямо сейчас наблюдают за ним.

– Ты всегда ешь тут?

– Когда могу, – заходящее солнце растянуло тень Лианны по бастионам позади, превратив в великаншу, силуэтом отраженную в оранжевом сиянии. – Здесь все такое... сильное. Понимаешь?

Ребристые облака миллиона оттенков желтовато-розового цвета скользили по оранжево-пурпурному небу.

– И сколько это будет продолжаться? – спросил Брюкс.

– Что?

– Ну, они прячутся там, мы ждем здесь. Когда кто-то сделает решительный шаг?

– Старомодник, расслабься, – она покачала головой и сумрачно улыбнулась. – Ты можешь известись вконец, гадать целый месяц, и я гарантирую, не придумаешь ничего, о чем бы наши хозяева не подумали еще на прошлой неделе. Они уже все проанализировали с пяти разных точек зрения и весь день предпринимают необходимые действия.

– Например?

– Меня не спрашивай, – она пожала плечами. – Я бы, скорее всего, ничего не поняла, даже если бы мне все сказали. У них совсем другая проводка, не похожая на мою.

«Роевой разум, – напомнил себе Брюкс. – И синестезия, если не ошибаюсь».

– Но ты же их понимаешь, – возразил Дэн. – Это твоя работа.

– Не так, как ты думаешь. И не без модификации с моей стороны.

– Так как?

– Я не знаю и не уверена, что смогу объяснить, – признала она.

– Да брось!

– Честно. Это как дзен, игра на фортепиано или быть сороконожкой на Небесах. Стоит подумать о том, что делаешь, и все – ты облажался. Надо попасть в эту зону.

– Они же все равно тебя как-то тренировали, – настаивал Брюкс. – Должен быть вполне осознанный процесс обучения.

– С твоей точки зрения, по-другому нельзя, да? – Она прищурилась, глядя на какого-то невидимого монстра, по-прежнему скрывавшегося от глаз Брюкса. – Но они вроде это... обошли. Встряхнули мозги импульсом ультразвука, и в следующий момент я поняла, что прошли четыре дня, и у меня есть все нужные рефлексy. Тут такое дело, что их понимаю даже не я сама, а скорее мои пальцы. Фонемы, ритмы, жесты, иногда движения глаз... – Лианна нахмурилась. – Я вбираю эти подсказки и уравнения, будто они приходят ко мне постепенно, одна за другой. Я их записываю и отсылаю, а на следующий день они появляются в последнем номере журнала «Наука».

– И ты никогда не пыталась осмыслить эти рефлексy? Не играла на пианино медленно, не давала себе время увидеть, что именно делают твои пальцы?

– Дэн, они не смогут, не попадут в ритм. Сознание – это временная память. Там можно сохранить список покупок и записать пару телефонных номеров... Ты заметил, как съел весь свой ужин?

Брюкс посмотрел на тарелку – та оказалась пустой.

– А это ты лишь слегка отвлекся. Ты пытался хотя бы раз удержать в голове целую главу романа? Сознательно, всю и сразу? – Дреды Лианны покачивались в сумерках туда-сюда. – Что бы я ни делала, там слишком много переменных. В глобальное рабочее пространство они просто не влезут. – Она виновато улыбнулась, словно извиняясь.

«Они программируют нас, как заводных кукол», – подумал он.

На западе солнце нежно коснулось отдаленного хребта.

Брюкс взглянул на Лианну:

– Тогда почему мы тут до сих пор командуем?

Она ухмыльнулась:

– Кто «мы», белый мальчик?

Он не стал улыбаться.

– Те люди, на которых ты... работаешь. Они вроде должны быть беспомощны. Так все говорят. Мозг можно оптимизировать для жизни тут, внизу, или для деятельности там, наверху. Нужно выбирать. Любой человек, свободно думающий в масштабах Планка, в реальном мире с трудом перейдет улицу без посторонней помощи. Поэтому они и устроились здесь, в пустыне. Поэтому им нужны люди вроде тебя. Так они нам говорят.

– Это все правда. Более или менее, – согласилась Лианна.

Брюкс покачал головой:

– Они управляют торнадо, Ли, как ты не понимаешь? Превращают людей в марионеток, моргнув глазом и взмахнув рукой. Им принадлежит половина патентов на Земле. Двухпалатники настолько же беспомощны, как тираннозавр в детском саду. Почему они уже не управляют нами?

– Ты сейчас похож на шимпанзе, который спрашивает, почему безволосые обезьяны, если они такие умные, не кидаются калом больше, чем другие.

Дэн старался не улыбаться, но не выдержал:

– Это не ответ.

– Вполне себе ответ. Сейчас каждый вопит о роевом разуме и синестезии, будто это сверхспособности.

– После прошлой ночи ты хочешь сказать, что тут ничего такого нет?

– Все намного глубже. Дело в восприятии. Мы... обделенные, понимаешь? Не видим реальности в принципе. Смотрим на модель, карикатуру, которую мозг мастерит из волн и болевых точек. Мы шуримся, разбираем накаляканные вручную записи, читаем что-то вроде «два квартала на восток, повернуть налево у моста» и думаем, что, рассматривая эти тупые почеркушки, видим Вселенную, проносающуюся за лобовым стеклом. – Лианна посмотрела через плечо на здание позади нее.

Брюкс нахмурился:

– Ты считаешь, что Двухпалатники способны видеть по ту сторону стекла?

– Не знаю. Возможно.

– Тогда у меня для тебя плохие новости. Мы попрощались с реальностью в тот момент, когда прогнали сенсорные сигналы через нервную систему. Хочешь ощутить Вселенную напрямую, без моделей и почеркушек? Стань простейшим!

В нарастающей тьме ее улыбка казалась ослепительно-яркой:

– А разве это так не похоже на них? Построить коллективный разум, настолько сложный, что может посрамить сотни гениев источников, а потом использовать его, чтобы думать как инфузория.

– Я не совсем это имел в виду.

Солнце, подмигнув на прощание, скрылось за горизонтом.

– Я не знаю, как они это делают, – признала Лианна. – Но если то, что они видят, хотя бы на долю ближе к реальности... Именно это я и называю трансцендентностью. Не способность управлять торнадо, а возможность видеть чуть больше того, что есть там, а не здесь, – она постучала пальцем по виску.

Лианна встала и потянулась как кошка. Брюкс тоже поднялся, смахнув песок с одежды.

– Трансцендентность недостижима. Для наших мозгов, разумеется.

Женщина пожала плечами:

– Надо изменить мозг.

– Тогда он перестанет быть твоим. Это будет что-то другое. Ты сама – тоже.

– В этом и смысл, разве нет? Трансцендентность подразумевает трансформацию.

Брюкс покачал головой, убежденный:

– По мне, это больше похоже на самоубийство.

Он почувствовал, как задвигались его глаза под закрытыми веками, вступил на бритвенно-тонкую грань между сновидением и пробуждением: сознания хватало, чтобы увидеть занавес, но не человека за ним.

Осознанные сны – трюк не из легких.

Брюкс сел на койке, призрачные ноги все еще не вышли из телесных, и те напоминали брюшко наполовину полинявшего насекомого. Огляделся – убранство комнаты показалось бы спартанским любому, кто не провел последние два месяца, ночуя в пустыне. Приподнятая койка длиной в пару метров, погруженная в мягкий и более мясистый вариант обычного синтетика на полу. Ниша в стене, медицинский шкафчик с матовым стеклом на дверцах. Еще один пьедестал с купелью для омовений: на этом сбоку висело полотенце на кронштейне. В эту каморку Лаккетт отправил Брюкса на ночь, и она мало чем отличалась от того, как выглядела наяву.

Дэн научился запускать сны с платформы, укорененной в реальности. Так было проще возвращаться.

Он напряг височно-теменную мышцу и взлетел сквозь потолок из отполированного гранита (материал домыслил сам – забыл посмотреть, из чего сделали потолок в реальности). Монастырь раскинулся вокруг, а затем остался внизу: сморщился от крепости в натуральную величину до настольной модели, стоящей на растрескавшейся серой, будто лунной поверхности. Наверху костяной бледностью сиял полумесяц Луны, и повсюду во мраке ледяными кристаллами холодно мерцали миллионы звезд.

Брюкс полетел на север.

Магия была минималистической: никаких радужных мостов, говорящих облаков и эскадронов воздушных судов, управляемых тираннозаврами. Дэн давно научился не проверять на легкое верие ментальные процессы, благодаря которым он здесь оказывался, и не напрягать критиков, живших в его голове еще до того, как сновидения стали осознанными. Какой-то внутренний скептик вечно хмурился при мысли о рассекающих космос велосипедах, и в результате спящий восьмилетний Дэнни застревал посреди звезд. Какой-то зануда в переднем мозге постоянно фыркал от головокружительного ощущения полета, и Брюкс путался в высоковольтных проводах или просто приходил в сознание, вылетал из сна в три утра из-за собственной недоверчивости. Даже в грезах мозг предавал его с тех пор, как у Брюкса появились первые волосы в промежности. Став взрослым, он не видел пользы в снах, пока его ограниченные образовательные способности исходника окончательно не забили часы бодрствования. Тогда пришлось выучить новые техники сновидений, чтобы новое и улучшенное поколение ученых не сожрало его живьем.

По крайней мере теперь он мог летать без всяких мыслей и самодиверсий. Дэн научился этому трюку за годы практики с помощью стимулирующего «железа», управлявшего его грезами, когда наступала стадия быстрого сна, и упражнений, благодаря которым он смог отбросить механические костыли и проделывать все исключительно в собственной голове. Например, долететь до орбиты и дальше, а потом вернуться (при желании). Или долететь до самых Небес. Именно туда Брюкс направлялся сейчас. Впереди кружило северное сияние – синезеленый занавес, мерцавший над целью путешествия, как Вифлеемская звезда голографической эпохи.

Но никаких говорящих облаков! Дэн знал свои границы.

Теперь он призраком миновал укрепления Небес и спустился на их глубокие уровни. Ро, как обычно, томила одна в своей камере, по-прежнему в бумажном халате и тапочках, как и в Отделе отправления, когда они сказали друг другу, что это не прощание. Кольцо вокруг левой лодыжки и с десятков звеньев ржавой цепи приковали ее к стене. Волосы свисали на печальное лицо темным занавесом.

Правда, когда Брюкс спустился сквозь потолок, она явно обрадовалась.

Он приземлился на каменный пол рядом:

– Прости, я должен был прийти раньше, но...

Дэн замолчал. Нет смысла тратить драгоценный быстрый сон на извинения. Он изменил сценарий и начал заново:

– Ты не поверишь, что со мной произошло!

– Расскажи.

– Я попал на поле боя. Можно сказать, на войну. Теперь я за линией противника, застрял там с кучкой... Серьезно, ты мне не поверишь!

– С монахами, зомби, – сказала она. – И вампиром.

Разумеется, Ро все знала.

– Не понимаю, как мне вообще удалось оказаться здесь. По идее, из-за такого бардака я должен быть весь на нервах – не прилечь, не присесть...

– Ты не спал уже двадцать четыре часа, – она положила свою ладонь на его. – Скоро рухнешь.

– А эти люди нет, – проворчал Брюкс. – Думаю, они вообще не спят, по крайней мере все сразу. Разные части их мозга дежурят по очереди или вроде того. Как стая дельфинов.

– Ты – не дельфин и не карьерист с апгрейдами. Ты натуральный. Именно такой, как мне нравится. И знаешь что?

– Что?

– Они тебя не обгонят. Ты с ними не справишься. Как всегда.

«Не всегда», – подумал Брюкс.

– Ты должна вернуться, – неожиданно ляпнул он. Где-то далеко его пальцы на ногах и руках слегка задрожали.

Ро покачала головой:

– Это мы уже обсудили.

– Никто не говорит, что тебе нужно вернуться на работу. Есть миллион других вариантов.

– А здесь их миллиард.

Дэн посмотрел на цепь. Он не сознательно сковал эти звенья – просто увидел ее уже такой. Мог изменить положение Ро одним усилием воли, как и все в этом мире, но рисковать не хотел.

Брюкс научился не накалять обстановку.

– Тебе не может здесь нравиться, – тихо сказал он.

Она засмеялась:

– Почему? Не я же надела эту штуку.

– Но... – В висках запульсировала боль. Дэн приказал ей остановиться.

– Дэн, – нежно протянула Ро. – Ты можешь жить там, а я нет.

Дрожь усилилась до невозможности. Лицо Ро пошло волнами и растворилось во тьме. Брюкс больше не мог удерживать ее в целости. Этот осторожный консерватизм, аккуратно смоделированные окружающие пространства, рабски следующие законам физики, – все они создавались против внутреннего критикана, а не против непрощенных ощущений, пробившихся извне. Головных болей. Покалываний. Они отвлекали от фантазий: неожиданно весь мир вокруг развалился на куски.

– Возвращайся, – сквозь усилившиеся помехи донесся голос жены. – Я буду ждать...

И исчез прежде, чем Брюкс успел ответить. Он попытался соорудить что-то впечатляющее: схлопывание Небес; огненный взрыв, направленный внутрь, к жадной сингулярности, расположенной в глубине Канадского Щита. Однако слишком быстро поднимался к свету.

Иногда Брюкс издевался над собственной нехваткой воображения, проклинал неспособность скинуть оковы и просто видеть сны, как остальные, во всем их блистательном галлюциногенном самозабвении. Даже сейчас ему время от времени приходилось напоминать себе, что это не слабость, а наоборот – сила.

Даже во сне Дэниэл Брюкс ничего не принимал на веру.

Для себя каждый бессмертен; человек, может, и знает, что умрет, но никогда не сможет понять, что уже мертв.

Сэмюэл Батлер

Солнечные лучи вонзились в глаза, проникнув сквозь прорези в жалюзи. Во рту у Брюкса пересохло, в голове стучало, а в пальцах будто бежал ток. «Руки отлежал», – подумал он и попытался представить, как это умудрился, перекинув ноги через край кровати.

Стоило подошвам коснуться пола, как их пронзили те же иголки.

«Прекрасно».

Брюкс нашел дорогу в туалет, который Лаккетт показал ему прошлой ночью, и опорожнил мочевой пузырь, чувствуя покалывание в каждой конечности. Правда, к тому времени, как он смыл воду, ощущения ослабли. Слегка пошатываясь, Дэн вышел из кельи и отправился искать другие живые тела.

За стеной что-то с грохотом упало. Брюкс на секунду остановился, а потом его внимание привлекла открытая дверь дальше по коридору. Там дергалось и задыхалось, словно под ударами тока, обнаженное пятнистое существо.

Дэн замер, его почти парализовало от шока. Спустя какое-то время он задвигался вновь, позабыв о собственных мелких неудобствах, когда понял, что видит. Это был пугало Масасо: спина выгнута, зубы оскалены, плоть натянулась на скулах так туго, что, казалось, лицо сейчас порвется прямо посередине. Брюкс подбежал к японцу, но вдруг остановился.

Каждый мускул Масасо свела судорога. Дело было в каком-то двигательном расстройстве. Причина крылась в неврологии.

Булавки в конечностях сразу вернулись и принялись колоть с новой силой. Все еще не веря, Брюкс посмотрел на собственные пальцы. Как он не старался, остановить их дрожь не смог.

Когда раздались крики, он их едва расслышал.

Что бы это ни было, оно убивало тихо. По большей части.

Не потому, что было безболезненным. Жертвы, шатаясь, выбирались из укрытий и бились на полу; их искаженные лица напоминали агонизирующие дьявольские маски. Они не спадали даже с мертвых: по-прежнему выступали вены, алые глаза покрывали брызги точечных эмболий, и каждое лицо застыло в окаменевшей гримасе. Ни стоны, ни слова – ни от кого.

Брюкс ничего не мог сделать, кроме как переступить через тела. Он шел на одинокий голос, кричавший где-то впереди, и не чувствовал ничего, кроме электрического напряжения, растущего в пальцах рук и ног; не мог думать ни о чем, кроме: «Это во мне, во мне. Оно во мне...»

Твари, шагавшие идеальным строем, появились из-за угла прямо перед ним: четыре человеческих тела двигались синхронно и были живее тех, кто лежал на полу, но внутри оставались такими же мертвыми. Валери шла посередине. Четыре пары мельтешащих глаз на мгновение зафиксировались на Брюксе, а потом возобновили свой лихорадочный всенаправленный танец. Вампириша в его сторону даже не взглянула. Она двигалась как взведенная пружина, словно все ее суставы были слегка смещены. У одного зомби не было ног: углеродные протезы еле слышно пищали при контакте с полом. Кроме этих признаков трения, Брюкс даже звука их шагов не слышал. Он инстинктивно распластался по стене, молясь каким-то плеистоценовым богам, чтобы те даровали ему невидимость. Или, по крайней мере, незначительность. Валери прошла совсем рядом, смотря строго по прямой.

Брюкс крепко зажмурился. Тихие крики наполнили тьму. Он даже почувствовал нечто сродни гордости, что сам не издал ни звука. А когда открыл глаза, чудовище исчезло.

Вопли стали более слабыми и не такими пронзительными: словно у какого-то ужасающего прожектора на маяке, зовущего сквозь туман войны, садились батарейки. Только это была не война, а бойня, в ходе которой одно племя гигантов вырезало другое, а любому ископаемому исходнику, имевшему глупость попасться под ноги, даже горло из милости не перерезали бы.

«Добро пожаловать на перемирие».

Брюкс пошел на звук. Он сильно сомневался, что сможет помочь, хотя оставался вариант эвтаназии. Однако если оно кричало, то, возможно, еще могло говорить. И рассказать... хоть что-то...

В некотором роде оно уже говорило. Например, Брюкс понял, что перед местной напастью равны далеко не все. Похоже, Двухпалатники повалились буквально за несколько минут – их схватили за горло и превратили в мучающийся камень прежде, чем они успели закричать. Правда, не все. На вампиришу и ее миньонов зараза не действовала. Еще на крикуна и на Дэна.

Пока.

Но он, несомненно, был заражен. Что-то уже работало над периферийной проводкой, замыкало управление мелкой моторикой и пробиралось дальше, по главным кабелям. Может, у крикуна все началось раньше, и он – это Брюкс минут через десять? Может, он тут, за этой дверью?

Дэн распахнул ее.

Внутри оказалась келья, ничем не отличавшаяся от той, где спал Брюкс, но на полу, скользком от мочи, корчился Лаккетт, словно налим на крючке. Его ряса превратилась в мокрую тряпку от пота, который потоками тек с лица и конечностей послушника; от промежности расходились темные пятна.

На крючок он попался не ртом. Тот шел из порта на шее, трясущимся волокном, уходил в розетку, расположенную на стене, чуть выше пола. Лаккетт бился в конвульсиях. Он ударился головой о край перевернутого стула. От сотрясения вроде немного пришел в себя: перестал кричать, взгляд прояснился и что-то, похожее на сознание, мелькнуло под толстым слоем тупой животной боли.

– Брюкс, – застонал Лаккетт. – Брюкс, возьми... О, черт, как больно...

Дэн встал на колени и положил руку на плечо мужчины:

– Я...

От прикосновения послушник резко дернулся и снова заорал:

– Больно! Как же, сука, больно!

Он судорожно махнул рукой: судя по всему, жест был намеренным – указанием, пробившимся сквозь рев помех от миллиона закоротивших двигательных нервов. Брюкс подчинился

и подошел к небольшому шкафчику со стеклянными дверцами, установленному прямо в стене. Ромбики лечебной керамики аккуратными рядами стояли за дверцей: СЧАСТЬЕ, ОРГАЗМ, УГНЕТАТЕЛИ АППЕТИТА...

АНАЛЬГЕТИК.

Брюкс взял лекарство с полки, встал на колени рядом с Лаккеттом и схватил его за оптоволокно у затылка: запутался, принялся неуклюже шарить, когда пальцы не расслышали команду мозга. Послушник снова закричал, выгнулся от конвульсий, его спина походила на натянутый лук. По комнате поплыл запах кала. Брюкс наконец ухватился за рычаг и повернул. Гнездо со щелчком освободилось. Свет залил стены бурным потоком: сигналы с камер, графики кривых, пустыня, окрашенная кричащей мешаниной искусственных расцветок. Некий ручной оракул, лишившись прямого доступа в мозг Лаккетта, продолжил беседу уже в реальном мире.

Брюкс со щелчком вставил в паз болеутолитель. Послушник тут же обмяк; его пальцы по-прежнему дергались и тряслись, но тут действовало чистое электричество. Дэн решил, что Лаккетт потерял сознание, но тот неожиданно глубоко, полной грудью вздохнул и произнес:

– Так-то лучше.

Дэн взглянул на его дрожащие пальцы, потом на свои.

– Нет, это...

– Не моя юрисдикция, – закашлялся Лаккетт. – И не твоя. Благодарю свою счастливую звезду.

– Но что это? Должно быть лекарство. – Он вспомнил: розетта монстров, и вампирша в самом ее центре двигается без затруднений по умирающему полю боя. – Валери...

Послушник покачал головой:

– Она на нашей стороне.

– Но она же...

– Не она, – он повернул голову, устремив взгляд на тактическую схему окружающей пустыни, обновлявшуюся в режиме реального времени: посреди мишени – монастырь, по периметру – затейливые иероглифы. – Они.

«Они весь день предпринимают необходимые действия».

– Что вы сделали? Что вы сделали, черт побери?

– Сделали? – Лаккетт опять закашлялся, ребром ладони отер кровь с губ. – Ты же был здесь, друг мой. Нас заметили. И теперь мы... можно сказать, пожинаем бурю.

– Они не стали бы просто... – «С другой стороны, почему нет?» – Они выдвинули ультиматум? Дали нам возможность сдаться или...

Лаккетт взглянул на него с равной смесью жалости и удивления.

Брюкс выругался про себя – выглядел полным идиотом. У него вчера целый день болела голова. Аэрозольная установка Мура! Никакой артиллерии, смертельные канистры не летели со свистом по пустыни. Эта штука дрейфовала вместе с ветром, никем не замеченная. Даже специально выведенные микробы не убивают сразу. Всегда есть инкубационный период, парочке спор-везунчиков нужно время, чтобы угнездиться в легких и породить достаточно большую армию, свалить человеческое тело. Даже магии экспоненциального роста требуется время для явления себя народу.

Враг...

«Люди вроде тебя», – говорила Лианна.

...запустил план в действие в тот самый момент, когда начал выстраивать оборонительный периметр. Даже если бы весь орден Двухпалатников вышел наружу с поднятыми руками, это уже ни черта не значило бы: оружие попало в их кровь, и белых флагов оно не видело.

– Как вы им позволили? – зашипел Брюкс. – Вы же вроде гораздо умнее нас, все из себя постсингулярные, вашу мать! Должны быть на десять шагов впереди любого плана, который мы, тупые троглодиты, можем изобрести. Как вы такое позволили?

– О нет, все идет согласно плану, – Лаккетт похлопал его по плечу спазматической ладонью, дрожавшей от короткого замыкания.

– Какому еще плану? – Брюкс еле сдержал истерический смех. – Мы все покойники...

– Даже Бог не может предвидеть все. Слишком много переменных, – Лаккетт снова закашлялся. – Но не стоит беспокоиться. Мы предусмотрели варианты, которые не могли предусмотреть...

Через открытую дверь – по коридору, сквозь узкие высокие окна и запертые ворота, стеклянные панели, выходящие в сад и пустыню, – донесся слабый свист. С доплер-сдвигом. Приглушенный стук какого-то удара поблизости.

– Зачистка пошла, – невозмутимо заметил Лаккетт. – Сейчас-то уже какой смысл скрываться?

Брюкс понурился, уткнувшись лбом в руки.

– Не беспокойся, старина. Еще не все кончено, по крайней мере, для тебя. Логово Джима ждет!

Дэн поднял глаза:

– Джим... но...

– Я тебе говорил, все идет по плану. – Спазмы волнами прошли по телу послушника. – Иди.

Потом Брюкс услышал еще один звук – глубокий, грохочущий, поглотивший и кашель изувеченных, и свистящий ор входящего паралича. Он почувствовал вибрацию огромных лопастей, раскручивавшихся глубоко под землей, и услышал глухое шипение пара, введенного в шахты. Растущий барабанный бой чудовища – стихии, рвущей собственные цепи.

– Это больше похоже на план, – пробормотал Брюкс.

Мур был в своем бункере, но разворачивающимся шоу не управлял. На смарткраске не мигали контрольные панели: никаких бегунков, шкал или кнопок. Все дисплеи работали в одну сторону. Где-то в другом месте Двухпалатники запускали двигатель, а Мур наблюдал, сидя в блиндаже.

При появлении Брюкса он обернулся:

– Они закрепились.

– Какая разница? Мы все равно порвем их в клочья.

Солдат повернулся к стене и покачал головой.

– В чем проблема? Они слишком далеко?

– Мы не сражаемся.

– Не сражаемся? Ты видел, что они с нами сделали?

– Видел.

– Там все мертвы или на пути к праотцам!

– Мы не мертвы.

– Это да, – нервы угрожающе пели в пальцах Брюкса. – И сколько мы протянем?

– Достаточно. Заразу подогнали специально под Двухпалатников. У нас времени гораздо больше. – Мур нахмурился. – Таковую штуку в поле не сделаешь и за ночь не выведешь. Они давно это спланировали.

– Они даже предупредительный выстрел не сделали, суки! И не попытались вступить в переговоры.

– Они боятся.

– Это они боятся?

– Думают, что, предупредив нас заранее, попадут в невыгодное положение. Они не знают, на что мы способны.

– Может, пришло время показать им?

Мур развернулся и посмотрел Дэну прямо в глаза:

– Похоже, ты не знаком с философией Двухпалатников. Она, по большей части, ненасильственна.

– Пока ты, Лаккетт и ваши приятели обсуждаете философские тонкости всеобщего пацифизма, мы тут все без всякого насилия сыграем в ящик. – «Приятели». – А Лианна...

– С ней все в порядке.

– Никто из нас не в порядке. – Брюкс пошел к лестнице. Вдруг он успеет найти синтета, прежде чем обрушится потолок. Или обнаружит какой-нибудь чулан и спрячется.

Рука Мура сомкнулась на плече и развернула Дэна, словно тот был сделан из пробки.

– Мы не станем атаковать этих людей, – спокойно произнес солдат. – Мы не знаем, несут ли они за это ответственность.

– Ты только что сказал: они все спланировали, – прохрипел Брюкс. – Просто ждали повода. Ты сам видел, как они готовятся к наступлению. Насколько я знаю, ты слышал переговоры по рации и как эти уроды отдавали приказы. Сам все знаешь!

– Это неважно. Даже если бы мы сидели в их командном центре. Даже если бы разобрали их мозги по синапсам и проследили каждый нейрон, который привел к отмашке. Мы бы все равно не узнали наверняка.

– Да пошел ты! Не стану я под тебя прогибаться лишь потому, что ты решил попрыгать на старом аргументе про отсутствие свободной воли.

– Этих людей могли использовать без их ведома. Они вполне могут рабски подчиняться имплантированной программе действий и в то же время клясться, что принимали решения исключительно по собственному желанию. Мы не станем убивать марионеток.

– Мур, они – не зомби.

– Это совершенно другой вид.

– Они убивают нас!

– Тебе придется мне поверить. Или, – Мур склонил голову набок, явно насмехаясь, – мы можем оставить тебя здесь: обсудишь вопрос с ними лично.

– Оставить...

– Мы сматываемся. Зачем, по-твоему, Двухпалатники разогревают двигатель?

Кто-то закатил огромный футбольный мяч на огороженный луг. С десятков упавших монахов дергались с открытыми глазами и сведенными мускулами вокруг геодезической сферы примерно четырех метров в диаметре из сцепленных объемных пятиугольников. Многогранник размером с дверь свисал с ее поверхности оторванным ногтем.

Что-то вроде спасательной шлюпки. Двигателей не видно. По крайней мере на корпусе. А высоко над стенами ревела и вращалась воронка, как разгневанный реактивный мотор. Брюкс запрокинул голову, пытаясь разглядеть вершину торнадо, сглотнул и... посмотрел снова. Что-то прочертило дугу в небе над монастырем.

– Залезай, – Мур толкнул его под локоть. – Времени мало.

«Разумеется, они все знают. У них же спутники и микродроны. Они видят сквозь стены каждое наше действие, могут все на хрен разнести...»

– Ракета... – каркнул Брюкс.

Там, куда он ткнул пальцем, небо раскололось.

Инверсионный след остановился прямо в воздухе; траекторию ампутировали по реактивной струе, на конце которой расцвело новое солнце – ослепительная точка, маленькая и непоослажимо яркая. Брюкс не до конца понял, что именно увидел в ту застланную вспышкой долю

секунды. Огромная мерцающая дыра разверзлась в утреннем небе, и массивный кусок купола отслоился, будто Господь приоткрыл крышку своего террариума. Небо сморщилось: завитки перистых облаков рассыпались мириадами осколков; темно-синее бесконечное пространство сверкало острыми гранями фасет; половина неба сложилась безумным оригами. Дыра схлопнулась, оставив после себя другое небо, безмятежное и лишенное шрамов.

Громовой раскат расколол череп Брюкса, как нож для колки льда ледяную толщу. Под действием огромной силы Дэн оторвался от земли, бесконечную секунду висел в воздухе, а потом рухнул обратно на траву. Кто-то толкнул его сзади. Дэн повернулся: губы Мура двигались, но расслышать удалось лишь тоненький писк, заполнивший весь мир. За плечом полковника, над бастионами монастыря с неба падали обугленные кости какого-то огромного человека из палок. Его пустая кожа обрывками летела вбок, густые потоки блесков всасывало скованное торнадо. Смерчевой двигатель, казалось, набрался сил после такой еды: стал толще, быстрее, темнее.

Невидимый корабль Валери. Брюкс совсем забыл о нем. Сто тысяч кубических метров высокого вакуума прямо на пути входящей ракеты разорвались при столкновении и засосали каскады пустынного воздуха в пустоту.

Мур толкнул Дэна к сфере. Тот неуверенно забрался в темноту – паутину, сплетенную невиданным чудовищным пауком. Внутри уже висело немало жертв – спутанных, еле различимых силуэтов. Все покачивались в коконах, сплетенных из широких и плоских волокон, хаотично растянутых по внутреннему пространству конструкции.

– Двигай, – проревел высокий голосок, прорвавшийся сквозь хор звенящих камертонов. Брюкс схватил удобно подвернувшуюся под руку паутину – так крепко, как позволяли искры в пальцах, – и втянул себя внутрь. Повернулся и чуть не отпрыгнул при виде одного из зомби Валери, висевшего в сетке вверх ногами, как запутавшаяся летучая мышь: его глаза по-прежнему дрожали. Дэн дернул рукой, но та прилипла, словно он был гекконом. С трудом освободился и полез дальше, прочь от этих лихорадочных глаз и безжизненного лица.

Еще одно, уже не такое мертвое, висело во мраке позади телохранителя. Брюкс, зрачки которого еще не расширились после утреннего солнца, не видел деталей. Но чувствовал, как тело наблюдает за ним, чувствовал хищную скрытую улыбку. Он не останавливался. Клейкие полосы обнимали его при каждом прикосновении и нежно отслаивались, стоило высвободиться.

– Выбирай любое свободное место, – сказал Мур, карабкаясь следом. Звон в ушах Брюкса начал затихать, словно его вбирало омерзительное чрево и помет из уродов и монстров. – Устраивайся подальше от стен: они мягкие, но поездка будет не из легких.

Люк встал на место последним элементом головоломки и заварил их внутри, отрезав скудный свет, пробивавшийся снаружи. Вокруг сразу стало тесно и душно, как в крохотном неподвижном пузыре на дне моря. Тьма дышала невидимыми ртами, тихим клаустрофобным хором, все звуки приглушал воздух, тяжелый как цемент.

Шепот вентиляции и вздохи пассажиров мешались друг с другом. Брюкс щекой чувствовал слабое дуновение несвежего ветерка, из обитых мягким материалом фасет стены лилось мутное красное сияние. Двухпалатники загораживали свет со всех сторон. Кто-то раскинулся орлом, кто-то съежился мячом, а чьи-то силуэты напоминали сухие крендельки, говорившие то ли о сверхчеловеческой гибкости, то ли о переломанных костях.

В корабле висели двенадцать монахов. Доисторическая психопатка со свитой безмозглых машин для убийства. Два человека-исходника. Все болтались в гигантской паутиной утробе и ждали, пока незримая армия не раздавит их, как жуков.

Все это – часть плана.

Брюкс пошевелился и выяснил, что, когда он перестал карабкаться, волокна уплотнились. Теперь получалось лишь извиваться подобно рыбе на крючке, поднять руку и почесать нос. Больше ничего.

Хоть глаза уже привыкли к длинным волнам света. Лицо наверху пришло в фокус, порадовав знакомыми чертами:

– Лианна? Лианна, ты...

Но здесь было лишь ее тело. Пальцы постукивали по виску с ритмом, выдающим человека, настроенного на отдаленную реальность.

– Все нормально, – раздался тихий голос Мура откуда-то поблизости. – Она говорит с нашей попуткой.

– И это все? Двадцать человек? – Дэн глотнул воздуха, который по-прежнему был на удивление спертым, несмотря на все старания местной системы жизнеобеспечения.

– Этого достаточно.

Брюкс едва мог перевести дыхание. Отсек шипел, вентиляция старалась изо всех сил, в лицо дуло, но воздух не мог наполнить легкие.

Дэн почувствовал, что назревает паника:

– Кажется... что-то не так с кондиционером.

– С воздухом все в порядке. Расслабься.

– Нет, он...

Что-то сильно ударило Брюкса в бок. Неожиданно верх оказался сбоку, а бок – внизу. Кровь прилила к голове. Великан встал ему на грудь. И так было душно, а стало еще хуже: смрад тухлых яиц заполнил пазухи точно цунами.

«Боже ты мой», – подумал Дэн. Худшего времени для пердежа не придумаешь. В иных обстоятельствах это было бы смешно, а сейчас он начал давиться, лишенный и без того скудных запасов кислорода.

– Поехали, – пробормотал Мур из-за спины. Снизу. Сверху.

Дэн находился будто во сне.

Паутина накренилась. Тела одновременно дернулись в одну сторону и маятниками качнулись обратно, провернувшись вокруг произвольного и неизвестного центра притяжения: ускорились сразу в десяти направлениях. В голове Брюкса ревела Ниагара.

– Не могу... дышать...

– А ты и не должен. Смирись.

– Что...

– Изофлуран. Сульфид водорода.

Глаза заволокло вихрем статических помех. Двадцать тел, едва различимых в водовороте, как одно бросились к незаметной точке с дальней стороны отсека. Они стремились к ней с неизбежностью полета железных опилок к циклотрону: эластичные пути растянулись чуть ли не до разрыва.

«Вот и все, – мелькнуло в голове Брюкса, когда зрение отказало окончательно. – Вот и все... Последний сознательный опыт. Наслаждайся, пока можешь».

Паразит

Неотъемлемую греховность такого подхода наилучшим образом продемонстрировал так называемый Разум Мокиши, созданный Восточным дхармическим союзом. Его попытки модернизировать собственную веру, приняв технологию, запрещенную (и совершенно справедливо) на Западе, привели к появлению роя, буквально уничтожающего души.

Он погрузил миллионы людей в состояние, которое можно квалифицировать как глубокую кататонию. (Тот факт, что именно его все дхармические религии искали тысячелетиями, не делает их веру менее трагической.)

В свою очередь, из-за безрассудного использования технологий межмозгового интерфейса для «связи» с разумом столь чуждых созданий, как кошки или осьминоги – практика, едва ли ограниченная Востоком, – множество людей получили невозполнимый психологический ущерб.

С другой стороны, перед лицом вызовов современности мы можем поддаваться искушению и отвернуться от мира во всей его полноте. Подобное отступление не только идет вразрез с библейским наставлением «научить все народы», но может привести к плачевным последствиям. Гиланд ⁸ «Искупитель» – яркое подтверждение последнего тезиса.

Прошел уже год с момента разрыва союза между южными и центральными баптистами, а последний контакт с какой-либо из сторон конфликта был установлен три месяца назад.

(Мы не можем спуститься на гиланд – по любому транспорту, приближающемуся на расстояние двух километров к «Искупителю», открывают огонь, – но, судя по данным удаленного видеонаблюдения, уже с 28 марта на острове не фиксируется какой-либо человеческой активности.

ООН полагает, что огонь ведется автоматически, и объявила «Искупитель» закрытой зоной, пока оборонительные системы не исчерпают боезапас.)

Враг внутри: двухпалатная угроза институциональной религии в XXI веке
(внутренний доклад Папской академии наук Святейшему престолу, 2093)

*Я мог бы замкнуться в ореховой скорлупе и считать себя царем
бесконечного пространства, если бы мне не снились дурные сны.*

Уильям Шекспир ⁹

Он проснулся от криков и серого размытого света, толчка в бок и боли, разрядом пронзившей ногу словно электрическое копьё. Он закричал, но голос потерялся в царившей вокруг какофонии, звуках растягивающегося металла – массивных костей из сплава, ломающихся в непривычных местах сгиба. С гравитацией творились чудеса. Он лежал на спине, но его тянуло вбок, ногами вперед сквозь прозрачный резиновый амнион, обволакивавший все тело. За пленкой маячили и перемещались какие-то смутные формы. Внизу чуть ли не на инфразвуке стонал мир, как раненый кит-горбач, по спирали уходящий на дно. Сирены вопили на повышенных тонах.

«Я в мешке для трупов, – запаниковал Брюкс. – Они думают, я умер.

Может, так и есть...»

⁸ Массивные плавучие платформы – искусственные острова, – которые дрейфуют в открытом океане на циклонических течениях. Термин образован путем слияния двух слов: *gyre* (циклоническое течение) плюс *land* (земля).

⁹ «Гамлет», акт 2, сцена 2. Перевод Д. Лозинского.

В лодыжке поселилась мучительная боль. Дэн поднял руки, и слабые эластичные путы начали сопротивляться. Все вены и артерии оказались снаружи и цеплялись к коже. «Нет, не артерии. Миоэлектрические мускулы...»

Мир дернулся вниз и вбок. Уставший металл замолк: в отсутствие соперника сирены заблеяли еще громче. Что-то ткнулось в Брюкса сквозь мешок, прямо под коленом. Боль исчезла.

Размытая тень склонилась над ним.

– Спокойно, солдат. Я тебя вытащу.

Мур.

Мембрана разделилась открывшимся глазом. Полковник стоял прямо над ним, на тридцать градусов отклонившись от нормальной траектории в мире, стремительно катящемся вниз. Мирок, правда, был крошечный: цилиндрический пузырь пяти метров в диаметре и где-то наполовину меньше по высоте. Пол и стены накренились под безумным углом. По центру конструкции бежало нечто, напоминавшее проволочный спинной мозг. («Лестница», – с трудом понял Брюкс: в этом мире существовали чердак и подвал.) Башни из пластиковых кубов с метровыми гранями – белые, свинцовые и темно-прозрачные (смутные тени предметов напоминали внутренние органы) – маячили со всех сторон, будто вертикальные камни, прилепленные друг к другу. Парочка рассыпалась, и теперь их осколки неровной кучей лежали в нижней части помещения. Гравитация подталкивала Брюкса присоединиться к ним; если бы мешок не крепился к койке, он уже давно соскользнул бы.

Мур нажал на какие-то кнопки, которых Брюкс не видел, и сирены, к счастью, замолкли.

– Ты как, держишься? – спросил солдат.

– Я... – Дэн потряс головой, пытаясь прочистить мозги. – Что происходит?

– Ось, наверное, искривилась, – Мур протянул руку вниз и вбок и что-то отлепил от головы Брюкса (второй пленчатый скаल्प, утыканный сетью крошечных наростов). – В тебя попал отлетевший куб и сломал лодыжку. Мы все вылечим, нужно только выбраться отсюда.

На стенах виднелась трава – голубовато-зеленые полосы метровой ширины бежали от пола до потолка, перемежаясь трубами, решетками и вогнутыми панелями обслуживания, уродовавшими остальную переборку. («Разогнанный фикоцианин», – пришла откуда-то мысль.) Смарткраска светилась на любой поверхности, не отданной на откуп фотосинтезу. Койка свешивалась из выемки в стене, а рядом поблескивали работающие графики, докладывающие о состоянии объекта внутри.

– Мы на орбите, – понял Брюкс.

Мур кивнул.

– Они... в нас попали...

Полковник слабо улыбнулся:

– Кто конкретно?

– Нас атаковали...

– Это было давно. На Земле.

– Тогда... – Дэн сглотнул. В ушах раздался хлопок. Раньше он никогда не был в космосе, но обстановку узнал: осевой двухуровневый модуль, встречавшийся на всех мертвых спутниках от околоземной до геосинхронной орбиты. Чтобы симитировать гравитацию, их раскручивали вокруг центральной оси. Но та обычно шла перпендикулярно палубе, а не...

Брюкс старался не паниковать:

– Что происходит?

– Метеоритный удар или дефект в структуре, – Мур пожал плечами. – А может, нас похитили пришельцы. Откуда мне знать? Когда нет надежных данных, возможно все.

– Ты не...

– Я сейчас так же слеп, как и ты, Брюкс. Нет ни КонСенсуса, ни внутренней связи. Линия получила повреждение, когда изогнулась ось. Я смогу выйти на связь, когда кто-нибудь усилит сигнал в верхнем узле, но подозреваю, у них там сейчас есть дела поважнее. – Полковник положил руку Брюксу на плечо. – Успокойся. Помощь уже в пути. Разве не чувствуешь?

– Я... – Брюкс засомневался, поднял одну, резиновую на ощупь руку. Отпустил: та упала вниз и вбок. Кажется, сейчас она весила чуть меньше, чем раньше.

– Они вырубili центрифугу, – подтвердил Мур. – Мы постепенно перестаем вращаться. Значит, остальная часть корабля более-менее в порядке.

У Брюкса опять затрещало в ушах:

– А мы – нет. Кажется, где-то утечка воздуха.

– Ты заметил.

– Мы не должны ее залатать?

– Сначала надо ее найти. Сделаем так: я буду двигать груз, а ты разбирать переборки.

– Но...

– Или мы можем спуститься вниз, надеть скафандры и убраться отсюда, – Мур разрезал кокон Дэна до конца и поддержал доктора за руку, пока тот садился. – Идти можешь?

Брюкс опустил ноги с койки, пытаясь не обращать внимания на еле заметное давление, растущее в мозгу. Он схватился за край кровати, чтобы не улететь вниз по косой палубе. Мио-электрические татуировки покрывали обнаженное тело, напоминая убогий экзоскелет. Они шли вдоль костей рук и ног, раздваивались по пальцам – Дэн поднял правую ногу; левая бесчувственно свисала в районе лодыжки, напоминая комок глины, – и уходили на пятку, змеились по ступням. Любое движение вызывало резиновое сопротивление, а любой жест был упражнением на выносливость.

Изометрический миостимулятор. Такой иногда использовали на Небесах, чтобы «вознесшиеся» не превращались в дряблые эмбрионы. Иногда их применяли во время экспедиций в глубокий космос (те, правда, отправляли все реже), чтобы помочь в арьергардной битве с укорачивающимися сухожилиями и атрофией мускулов во время гибернации.

Мур помог Брюксу встать, подставив себя как костыль. Дэн неуверенно покачивался на здоровой ноге, ухватившись рукой за плечи полковника. Все было не так плохо, как казалось. Псевдогравитация тянула в неправильном направлении, но слабо и постепенно теряла силы.

– Что мы тут делаем? – Прыжок – шаг – опора. Мягкий багровый свет, пульсируя, вырывался из дыры в потолке, откуда выходила лестница, пятная полосами прилегающую переборку.

– Пробираемся в безопасную зону.

– Нет, я имею в виду... – Брюкс махнул свободной рукой на контейнеры, громоздившиеся со всех сторон. – Почему я в трюме?

– Трюм на корме. А это мы используем под избытки.

Ступеньки цвета сыромятной кожи были гладкими, как пластик: похоже, сделаны из эластичного полимера, который оставался упругим независимо от длины. Дэн схватился за перекладину, посмотрел на потолок и увидел источник кровавого сияния: герметично задраенный аварийный люк сверкал предупреждением для всех, кто решился бы пройти через него: «РАЗ-ГЕРМЕТИЗАЦИЯ».

– Я хочу сказать... – Брюкс заглянул в дыру, зиявшую в полу: там оказалось еще больше метакубов и каких-то мелких контейнеров, скрепленных воедино. – Почему я очнулся в подвале?

– Ты вообще не должен был проснуться: мы погрузили тебя в терапевтическую кому.

Дэн вспомнил, как с него снимали скальп, утыканный электродами.

– Тебе повезло, что я оказался поблизости, когда все пошло насамаку, – подытожил Мур.

– Хотите сказать, что вы запихали меня на склад вместе с...

Ось гравитации дернулась и сместилась вбок; внутреннее ухо Брюкса так и не разобралось, куда именно. Неожиданно лестница скользнула по диагонали, и он провалился сквозь пол (край люка больно впился в ребра). При земном притяжении огромные блоки сломали бы Дэну позвоночник, а здесь лишь согнули и отбросили человека обратно в пространство.

Мур поймал его на отскоке:

– Так тоже можно добраться до цели.

Брюкс забился в его руках и оттолкнул прочь:

– А ну убери руки! Отстань от меня, урод!

– Успокойся, сол...

– Я не солдат, скотина! – Дэн попытался встать в забитом помещении, но сломанная лодыжка провернулась под весом, будто привязанная резиновыми полосами. – Я паразитолог, спокойно сидел в чертовой пустыне и занимался своим делом. Я вообще не хотел лезть в ваши разборки, не хотел лететь на орбиту. И совершенно точно не хотел, чтобы меня складировали в подвале, точно коробку с рождественскими украшениями!

Мур подождал, пока Брюкс выдохнется:

– Ты закончил?

Тот по-прежнему ярился и сверкал глазами. Солдат принял его молчание за утвердительный ответ и сухо продолжил:

– Я извиняюсь за причиненные неудобства. Как только все успокоится, можем связаться с твоей женой. Скажешь ей, что задержишься на работе.

Брюкс закрыл глаза и сквозь зубы ответил:

– Я не говорил со своей женой несколько лет.

«С настоящей, по крайней мере».

– Да ну, – Мур притворился, что не уловил намек. – А почему нет?

– Она на Небесах.

Полковник хмыкнул и произнес более спокойно:

– Моя тоже.

Брюкс закатил глаза. В ушах опять затрещало.

– Мир тесен. Мы будем отсюда выбираться или подождем, пока кровь в жилах закипит?

– Пошли, – сказал Мур.

Наверху, в накренившемся пейзаже из грузовых кубов, по бокам овального воздушного шлюза виднелись альковы в человеческий рост – по два с каждой стороны. Там висели скафандры, похожие на освежаванные серебряные шкуры; на месте их удерживали грузоподъемные стропы. На сгибах локтей и в коленях ткань костюмов слегка вздымалась. Мур помог Брюксу пройти по наклоненной палубе и передал ему свободную стропу, чтобы держаться; отстегнул скафандр из левого алькова. Костюм сразу осел в руках солдата, уйдя вбок.

По щеке Брюкса пронеслось дуновение ветерка. Мур протянул ему костюм: вспоротый от промежности до шеи разрезанный экзоскелет, сброшенный предыдущим владельцем. Дэн встал под углом, слегка подпрыгивая на здоровой ноге, и позволил полковнику засунуть сломанную в штанину. Помогла низкая гравитация: сейчас Брюкс весил от силы килограммов десять и чувствовал себя куколкой-переростком, которая вдруг передумала и решила вернуться в кокон.

По тыльной стороне свободной руки поползли мурашки. Брюкс поднес ее к глазам и осмотрел кроваво-коричневую сетку эластичных волокон, раскинувшуюся на коже.

– Почему...

– Зачем она ушла на Небеса? – спросил Мур, сильно дернув Дэна за раненую ногу, чтобы вставить ступню в ботинок. Кусочки костей терлись друг о друга – большеберцовая пронесла вибрацию мимо нервного блока, установленного полковником, но больно не было. Однако Брюкс все равно скорчил гримасу.

– Э, что?

– Твоя жена. – С правой ногой пришлось повозиться, так как опереться на левую не удалось. Мур снова подставил себя вместо костыля. – Зачем она на Небесах?

– Странная формулировка вопроса, – заметил Дэн.

«Меня уже тошнит, все достало, – сказала она однажды, глядя в окно. – Они живые, Дэн. Разумные».

Мур пожал плечами:

– Все бегут от чего-то.

«Они же просто системы, – напомнил он ей. – Сконструированные системы».

«Мы тоже».

Брюкс не спорил: жена и так все знала. Никто из них не был сконструирован, если не считать естественный отбор неким дизайнером, и у обоих хватало мозгов не предаваться столь неряшливому образу мыслей. Рона не хотела спорить: время словесных турниров, воодушевлявших их многие годы, давно прошло. Сейчас ей хотелось одного – остаться наедине с собой.

– Она... ушла в отставку, – ответил Дэн, когда правая нога аккуратно скользнула в ботинок.

– Откуда?

Брюкс всегда уважал желания жены. Не тревожил, когда она, лоботомизировав свою последнюю жертву, подала запрос на увольнение. Он так хотел достучаться до нее, когда она стала смотреть на Небеса. Сделал бы что угодно, только бы удержать на своей стороне жизни, но тогда уже дело было не в том, чего хотел он сам. Поэтому Дэн не тревожил ее, даже когда она сдала собственный мозг в аренду, чтобы оплатить пребывание в коллективном сознательном, и ушла из внешнего мира во внутренний. Хоть ссылку оставила: он всегда мог поговорить с ней там, на дальнем берегу Стикса. Всегда выполнял ее обязательства, но знал, что сделать ничего сверх того не в состоянии. Поэтому, когда жена перестала убивать искусственные системы и стала одной из них, оставил ее.

– Она ликвидировала облака, – ответил наконец Брюкс.

Мур снова хмыкнул, а затем, помогая Дэну вдеть руки в рукава, заметил:

– Надеюсь, не слишком ревностно.

– Почему?

– Скажем так: не каждый распределенный ИИ независим, и не каждый независимый неконтролируем. – Полковник передал перчатки. – Мы это не афишируем, но порой лучшие убийцы облаков выбирают цели, которые мы не одобрили бы.

У Брюкса вдруг пересохло в горле, он с трудом сглотнул:

– Самое поганое, что она соглашалась с ними. С идиотами, ратующими за права ИскИнов, я имею в виду. И уволилась лишь потому, что устала убивать разумные создания, чья единственная вина заключалась в том, что... – Как она говорила? – они росли слишком быстро.

Костюм застегнулся, перчатки со щелчком встали на место. Сильный рывок за воротный шнур – и скафандр закорчился вокруг Дэна, натянулся, из вялого и дряблого став плотно облегающим за несколько неприятных секунд. Мур передал ему шлем:

– Установи его визором на три часа и поверни против часовой стрелки до щелчка. Визор не закрывай, пока я не скажу.

– Не шутишь? – У Брюкса начала кружиться голова. – Воздух довольно... разреженный.

– Еще уйма времени. – Полковник схватил со стены второй костюм. – Я не хочу, чтобы пострадал твой слух.

Он оттолкнулся от палубы, прижал колени к груди и обеими руками распахнул скафандр. Одним ловким движением вбил в него ноги до самой палубы и застегнулся до поясницы, покачнувшись.

– Значит, она не боялась ИскИнов, обладающих сознанием? – Мур вдел руки в рукава. – А умом?

– Ты о чем?

– Умных ИскИнов, – он со щелчком поставил шлем на место. – Их она боялась?

Брюкс глотнул масляного высокогорного воздуха и постарался сосредоточиться. Умных, значит... Тех, что преодолели порог минимальной сложности, за которым сети начинали просыпаться; тех, что миновали «границу разумности», после которой самосознание растворялось в обширных пределах разросшихся сетей, в задержках сигнала, низводивших симфонию до помех. Тех, что устремились вверх, туда, где ум продолжал расти, оставляя свое «я» позади.

– Об этих... она немного беспокоилась, – признал он, стараясь не обращать внимания на слабый гул в ушах.

– Мудрая женщина, – голос полковника стал странно высоким. Он наклонился, проверил клапаны и пазы в скафандре Брюкса с точной, механической эффективностью, кивнул.

– Ладно, закрывай визор, – скомандовал он и сам последовал своему приказу.

Громкое шипение поглотило тихое, благословенный поток свежего воздуха мягко омыл лицо Брюкса. Загадочная мозаика иконок и аббревиатур с мерцанием ожила на стекле.

Шлем Мура столкнулся с его, и голос полковника зажуужал в отдалении через самодельную связь:

– Интерфейс саккадный. Дерево связи наверху слева.

Там сразу замигала янтарная звезда: стук в дверь. Брюкс сфокусировал на ней взгляд и принял сигнал.

– Так-то лучше, – голос полковника раздался будто внутри шлема.

– Давай убираться отсюда, – предложил Брюкс.

Мур протянул вперед руку и позволил ей упасть.

– Еще рано. Подождем одну-две минуты.

Снаружи шлема воздух – или, скорее, его недостаток – каким-то образом затвердел. За скудной атмосферой и двумя слоями выпуклого хрусталя лицо Джима Мура казалось спокойным и загадочным.

– А что насчет твоей? – спросил Брюкс, помедлив.

– Кого моей?

– Жены. Она там... зачем?

– Да. Хелен, – полковник, казалось, нахмурился, но это прошло менее чем за секунду, и прежде, чем Дэн успел пожалеть о вопросе. – Она просто... устала, я так думаю. Или испугалась. – Мур на мгновение опустил глаза. – XXI век не для каждого.

– Когда она вознеслась?

– Почти четырнадцать лет назад.

– Огнепад. – От него многие люди сбежали на Небеса. Многие «вознесшиеся» даже вернулись обратно.

Но Мур покачал головой:

– Нет, до него. Буквально за несколько минут. Мы с ней попрощались, вышли наружу, и я взглянул на небо...

– Может, она что-то знала?

Полковник слабо улыбнулся и протянул вперед руку. Та медленно ушла в сторону, легкая, как перышко.

– Почти...

Ось гравитации опять дернулась. Кубы и коробки качались и дрожали от взаимного притяжения; свободные контейнеры отрывались от палубы и отлетали от стен в тяжеловесном балете. Брюкс и Мур, привязанные к стропам, плавали в пространстве как морские водоросли.

– Пора, – полковник повернул внутренний люк. Дэн подтянулся следом.

– Джим.

– Я здесь, – полковник потянул защелку на пружине, выступавшую из маленького диска на поясе. За ней развернулась яркая нить.

– Как ты сам здесь оказался? Когда все пошло насмарку?

– Патрулировал, – Джим закрепил пряжку на планке брюксовского экзоскелета. – Обходил периметр.

– Что?

– Ты все слышал.

Внутренний люк захлопнулся за ними.

Пока Мур разгерметизировал шлюз, Брюкс дернул за нить, невероятно тонкую и прочную. Поводок из сконструированной паутины.

– У тебя прямое включение в КонСенсус прямо в голове, – заметил Дэн. – Ты можешь увидеть любое место в сети, не вставая с туалета, и все равно обходишь периметр?

– Дважды в день. Уже тридцать лет. Будь благодарен за то, что я не бросил эту привычку. – Рукой в перчатке он сделал еле заметный жест в сторону внешнего люка. – Пойдем?

«Мур – настоящий ветеран.

Я жив благодаря тебе. Потерял сознание внутри торнадо и проснулся с раздробленной лодыжкой на космической станции, которой кто-то сломал хребет. Ты затащил меня в эту чертовщину, заставил болтать о жене, и я почти не заметил, как воздух вокруг исчез.

Спорим, ты никогда бы не сказал, насколько близко мы находились от смерти, да? Это не в твоём стиле. Ты был слишком занят, отвлекая меня, чтобы я окончательно не потерял голову от паники, пока ты меня спасаешь».

– Спасибо, – тихо произнес Брюкс, но даже если Мур, выстукивавший какое-то заклинание на интерфейсе переборки, услышал его, то вида не подал.

Внешний шлюз раскрылся зрачком. За ним ждала огромная и великая Вселенная.

И в этот момент масштаб благонамеренной лжи Джима Мура раскинулся перед ними во всей своей наготе.

– Добро пожаловать на «Терновый венец», – произнес Мур с другого конца Вселенной.

Солнце было слишком большим и ослепительным: Брюкс увидел это, когда открылся шлюз, за секунду до того, как поляризующий диск расцвел на смотровом щитке – четко по линии взгляда, срезав яркость. «Разумеется, – подумал Дэн, – атмосферы нет». На орбите все должно было быть ярче.

А потом он вывалился следом за Муром и принялся невесомо кружить у перекошенного центра тяжести; вокруг вращались звезды и какие-то огромные конструкции.

Земля исчезла.

Это была неправда – не могло быть правдой: Земля существовала где-то там, среди миллиарда ярких осколков, раздиравших небеса со всех сторон. Они напоминали немигающие пиксели с нулевыми измерениями, ни один и близко не подобрался к тому, чтобы обрести реальную форму.

Здесь некуда падать.

Дыхание скрежетом отдавалось в ушах, быстрое, как удары сердца.

– Ты же говорил, мы на орбите.

– Да, но не Земли.

Корабль – тот самый «Терновый венец» – раскинулся перед Брюксом, словно кости чудовища; корабль размером с целый город. Сломанная ось висела прямо впереди путаницей балок и труб, залитой мерцающим сиянием с острыми гранями: кусками фольги, кристаллами замерзшей жидкости, крохотными сюррикенами металла, которым было некуда лететь. В этой мозаике из света и тени двигались какие-то существа. На обломках копошились стальные

пауки, заваривая пробоины раскаленными мандибулами и раскидывая паутины, чтобы сшить разрозненные куски. По металлическому пейзажу волнами расходились искрящиеся звезды.

Не погнутая и не скрученная. Сломанная и начисто оторванная. Брюкс в ужасе увидел тонкий серебряный кабель диаметром едва ли с человеческий палец: одинокое, чудом уцелевшее сухожилие выходило из ампутированного обрубка и через вакуум тянулось к массивному, похожему на бочку обитаемому отсеку с другой стороны. Если бы не эта хрупкая нить...

– Ты же обо всем знал? – Дэн тяжело дышал. – Все это время был в КонСенсусе...

Мур отцепился от поручня, не обращая внимания на миллиарды световых лет, раскинувшихся под ногами.

– Мой опыт говорит, что о таких ситуациях людям лучше рассказывать постепенно.

– Это вне моей компе... комп... – Язык распух во рту. Брюкс словно не мог перевести дыхание. Верха не было, низа тоже.

– У меня воздух...

Что-то ударило его в подошвы ботинок: невероятно, но низ вдруг встал на место. Мур оказался прямо перед Дэном, положил руки ему на плечи и крепко сжал:

– Все хорошо. Все нормально. Закрой глаза.

Брюкс крепко зажмурился.

– У тебя гипервентиляция, – раздался голос полковника из тьмы. – Костюм сейчас уменьшит содержание смеси, прежде чем возникнет риск обморока. Ты в полной безопасности.

Дэн едва не расхохотался и с трудом выдавил:

– Ты прямо как тот мальчик... только кричишь не «Волки!», а «Все в порядке».

– Похоже, тебе уже лучше, – заметил Мур.

Дэну действительно полегчало.

– Попробуй открыть глаза. Смотри на корабль, а не на звезды. Не торопись: освойся, сориентируйся.

Брюкс чуть приоткрыл глаза. Снаружи мгновенно хлынул вакуум. Голова закружилась. «Смотри на корабль».

Хорошо, корабль.

Начнем с оси. Разрезанная, прижатая, одна из... шести (остальные, похоже, были не повреждены). Они расходились кругом от сферического модуля, напоминая скелет убогого велосипедного колеса: никакого обода, лишь жестяная банка на конце каждой спицы. Еще несколько минут назад эти отсеки вращались вокруг главного, как камни на нитях, а теперь лишь безжизненно парили на месте. Конструкция поменьше – массивная берцовая кость, пронзенная главным хребтом ровно посередине, – неподвижно висела перед Центральным узлом. (Скорее всего, маховик противовращения для нейтрализации закручивания.)

Все эти полые трубки были длиной, по меньшей мере, метров пятьдесят. Все сооружение напоминало безумное колесо обозрения, растянувшееся от края до края на сотни метров.

Однако по сравнению со стеной металла, возвышавшейся позади, оно больше напоминало хлипкую сборку из палочек и прутьев. Двигатель! Если смотреть точно по прямой, он походил на диск: целая равнина, поставленная набок; абстрактная топография жестких граней из хребтов, впадин и прямых углов. Но отсюда, с израненной границы, Брюкс видел всю массу, которая сгрудилась позади переднего края, и она больше походила не на диск, а на пробу грунта, изъятую с искусственной луны. Бороздчатые поверхности осадочных утесов, высеченных из металла; чудовищные шишковатые артерии, извивающиеся на корпусе, будто сшитом из лоскутов, несущие топливо или охладитель. Арка отдаленного сопла выступала над стальным горизонтом как серый рассвет.

Прямо по центру двигателя расположилась цилиндрическая башня. Наверное, грузовой трюм. Хребет «Венца» выходил из ее вершины, как побег из пня огромной секвойи. Вся эта структура – центральный модуль и секции вокруг него, маховик и полукруглый узел на носу,

топорщившийся антеннами, – в тени двигателя не имела никакого значения. Несколько хрупких прутиков, где мясо могло дышать, сбившись в кучу. Блохи, вцепившиеся в спину плененного солнца.

– Эта штука огромная, – прошептал Брюкс Муру. Но того уже не было рядом: раскинув руки, он летел сквозь пропасть между висящим на волоске отсеком и обрезанной осью. Полковник променял его на армию пауков.

Что-то дернуло Дэна за поводок. Он обернулся, чувствуя, как холодный пот струйками змеится по спине, и увидел своего нового хозяина.

– Ты пойдешь со мной, – сказала Валери.

Она потащила Дэна сквозь пустоту, как наживку на крючке, – так быстро, что его спинной мозг не успел среагировать. Прежде чем он решил схватиться за скобу – а перед этим оглядеться и найти ее, – они уже летели сквозь облака иззубренных блесток. Брюкс, кувыркаясь, падал вниз. Мимо пронесли сорванные опоры, и, на удивление, ни одна не задела его костюм.

Он падал в колодец. «Не в колодец, а в ось. Сломанную ось». Видел, как над головой уменьшается ее рваная пасть. Рухнул на самое дно, тяжело приземлившись на спину; эластичная инерция постаралась подбросить его, но в грудь словно врезался сваебой и пригвоздил к полу. На краю поля зрения пульсировал кроваво-красный огонек. Дэн в панике принялся глотать воздух и повернул голову.

Сваебой тянулся из плеча Валери. Другой рукой она колдовала над пультом, встроенным во внешнюю створку шлюза, на которую они только что приземлились. По ее краям с двухсекундным интервалом вспыхивал багровый свет.

– Мур... – прохрипел Брюкс.

– Тратит на тебя слишком много времени, Мясо. Сейчас помогает с ремонтом.

В центре переборки раскрылся люк. Валери одной рукой швырнула Дэна внутрь. С другой стороны его что-то поймало, как в бейсбольную перчатку: упругая мембрана, растянутая между обручами эластичных ребер. Эту прозрачную кожу тут же начал всасывать вакуум, получился прочный конус, застывший между укреплениями.

Валери загерметизировала отсек. Крохотная палатка мгновенно сдулась, и ее поверхность расслабилась, как только выровнялся уклон.

Пальцы на левой руке Брюкса покалывало: он лишь сейчас понял, насколько крепко их сжал. Теперь с трудом разогнул и с вялым удивлением обнаружил, что в ладони лежит кусочек шрапнели с закругленными краями. Металл оплавился и местами загустел будто свечной воск.

Наверное, Дэн машинально схватил осколок, пока летел.

Палатка распахнулась створками морской раковины. Она еще не успела полностью раскрыться, а Валери уже вытащила Брюкса и потянула за собой по озаренному бледным водянистым светом туннелю. По всей его длине в конвульсиях билась безголовая коричневая «змея», чьи «кольца» шлепали по переборкам от беспорядочных всплесков энергии: эластичный провод толщиной с запястье Брюкса и небольшими повторяющимися ободками. На переборке мелькали ступени лестницы, расположенные на очень большом для обычного человека расстоянии. Время от времени перед глазами молниеносно проносились желто-черные предупредительные полосы, но разобрать, от чего именно они предостерегали, возможности не было. Брюкс выгнул шею и посмотрел вперед. За несколько секунд Валери успела поднять визор. В тени шлема ее лицо казалось серым, одни плоскости и углы, кости и никакой плоти.

Ось уткнулась в купол с пазом, напоминавшим один из древних телескопов, брошенных гнить на вершинах гор и холмов, когда астрономия перебазировалась в космос. Большую часть прорези загораживала муфта с другой стороны, но Дэн и Валери пролетели в оставшийся проем и оказались в пространстве между двумя концентрическими сферами: серебристым внутрен-

ним ядром, похожим на огромную ртутную каплю диаметром в три метра, и внешним панцирем, тусклым и ничего не отражавшим.

Что-то вроде решетки делило помещение внутри на полушария, соединяя кору и сердцевины по экватору. Валери потащила Брюкса вдоль чаши кормового полушария, мимо кубистского пейзажа из грузовых модулей и зияющей пасти туннеля на южном полюсе («Хребет корабля», – понял Дэн; тени и опоры каркаса исчезали в этой глотке), мимо шарнирных механизмов других осей, венчиком расположившихся вдоль всей границы отсека. Сквозь решетку Дэн краем глаза заметил движение – пока Валери тащила его навстречу неизвестной судьбе, в другом полушарии работал персонал, – но в следующую секунду они нырнули в одну из длинных костей «Венца». Поэтому слабый звенящий голосок, который он вроде услышал сквозь загерметизированный шлем – «Охренеть, таракан-то проснулся!» – вполне мог быть плодом воображения.

Очередное долгое падение: на сей раз их тащили. В этой оси «змея» оказалось нетронутой: движущаяся лента, до предела натянутая между двумя барабанами с каждой стороны. Валери по-прежнему держала Брюкса за запястье своей железной рукой, ладонь другой сомкнула на одном из колец («Поручни, скобы», – сообразил Дэн), торчащем из внешней ленты конвейера. Внутренняя поверхность ленты катилась в метре или двух слева, направляясь обратно в главный узел. В обнадеживающей фантазии о некоем параллельном мире Брюкс сумел освободиться, хватался за кольцо и улетал в другую сторону.

Еще одна конечная остановка – без шrapнели и обломков, только резкий поворот и выступ вокруг открытого люка, украшенного чем-то наподобие таблички:

ТЕХОБСЛУЖИВАНИЕ И РЕМОНТ

Они наконец добрались до цели. Брюкс был свободен и парил в помещении, похожем на то, из которого только что сбежал: переборки, панели, генноспроектированные полосы фотосинтетической растительности. Похожие на гробы выпуклые силуэты на переборке – койки, вроде той, что служила ему постелью и задвигалась в стену, когда ее не использовали. Опять вездесущие кубы, собранные в стеллажи, достаточно высокие, чтобы превратить большую часть помещения в извилистую нору. Весь спектр цветов и буйство иконок. Некоторые Брюкс даже узнал: энергоинструменты, запасы материалов для фабрикатора, стилизованный посох Асклепия, означавший медикаменты. Другие вполне могли нарисовать инопланетяне.

– Лови.

Он повернулся, вздрогнул и поднял руки, едва успев поймать плывшую к нему коробку. Судя по размерам и форме, в ней могла уместиться большая пицца или даже три, положенные одна на другую. Под крышкой, в выплавленных углублениях лежали сказеры, адгезивы и пузыри с синтетической кровью. Что-то вроде ободранного до основания набора для первой помощи.

– Чини.

Валери каким-то образом уже разделась до комбинезона, пришив сифандру к стене, словно смятый комок алюминиевой фольги. Вампириша вытянула левую руку запястьем кверху и закатала рукав. Ее предплечье слегка изгибалось где-то посередине. Даже у вампиров в этом месте нет суставов...

– Что... как это...

– Корабль разваливается. Всякое бывает. – Губы растянулись в подобии улыбки: в стеклянном свете ее зубы казались почти прозрачными. – Чини.

– Но... у меня лодыжка...

Неожиданно они посмотрели прямо друг другу в глаза. Брюкс рефлекторно опустил голову: агнец в присутствии льва, никакого выхода, кроме поклонения, и никакой надежды, кроме молитвы.

– Два поврежденных элемента, – прошептала Валери. – Один необходим для успеха миссии, другой – балласт. Какой получает первоочередное внимание?

– Но я не...

– Ты – биолог.

– Да, но...

– Эксперт. По жизни.

– Д-да...

– Тогда чини.

Он попытался снова посмотреть ей в глаза, но не смог и обругал себя.

– Я – не врач...

– Кости есть кости. – Краем глаза он заметил, что вампириша склонила голову набок, словно взвешивая разные варианты. – Если не можешь сделать этого, какой от тебя толк?

– На борту должен быть больничный отсек, – заикаясь, ответил Брюкс. – Лазарет.

Вампириша взглянула на люк с надписью: «ТЕХОБСЛУЖИВАНИЕ И РЕМОНТ».

– Биолог, – в ее голосе сквозила усмешка, – и думает, что есть разница.

«Безумие какое-то, – подумал Дэн. – Может, проверка?»

Если так, тест он проваливал.

Брюкс задержал дыхание, прикусил язык и сосредоточился на ране: закрытый перелом, слава тебе господи. Кожа не разорвана, видимых гематом нет. Крупные кровеносные сосуды вроде не повреждены. Или повреждены? Разве вампиры... Точно, у них постоянно сужены сосуды: они держат всю кровь близко к сердцу. У этой твари может быть разрыв лучевой артерии, а она ничего не почувствует, пока не перейдет в охотничий режим...

«И тогда у жертвы появится шанс...»

Он отбросил прочь мысль, так как без всяких на то причин боялся, что вампириша увидит, о чем думает ее врач. Сосредоточился на переломе. Что делать: ничего не трогать или поставить кость на место? («Не трогать, – вспомнил он. – Минимум движения, снизить риск разрыва нервов и кровеносных сосудов».)

Брюкс вытянул ленту для накладывания шины, оторвал несколько кусков по тридцать сантиметров (достаточно длинных, чтобы зайти за запястье – так материал не скатается). Разложил их по руке Валери на одинаковом расстоянии друг от друга («Какая у нее холодная кожа!»), аккуратно вдавил в плоть («Не делай ей больно! Только не делай больно!»), пока клей не схватился и не поставил шины на место. Дэн отошел, а вампириша согнула руку и повернула ее, рассматривая художества биолога.

– Ты не выправил, – заметила она.

Он сглотнул:

– Нет, я думал... это временная...

Правой рукой Валери сломала собственное предплечье, как веточку. Две шины треснули со звуком приглушенных выстрелов, третья просто вырвалась из мяса, порвав кожу.

Плоть в ране оказалась бескровной, похожей на парафин.

Валери снова протянула сломанную руку:

– Давай заново.

«Твою мать! – подумал Брюкс. – Черт, черт, черт! Никакой это не тест, с подобной тварью проверок не бывает. Садистская игра кошки с мышкой...»

Валери ждала, терпеливая и пустая, всего в двух метрах от его яремной вены.

«Продолжай! Не давай ей повода».

Он снова взял руку вампириши в свои ладони. Прямо вцепился, чтобы те не дрожали. Она, кажется, даже не заметила. Перелом оказался хуже прежнего, стигб острее: кость торчала из-под мускулов, а на коже появился крошечный узловатый холмик, на поверхности которого расцветал пурпурный синяк.

Брюкс так и не мог посмотреть Валери в глаза.

Он схватил вампиришу одной рукой за запястье, другой – за локоть и дернул. Казалось, он пытался растянуть сталь: кабели в руке были слишком жесткие и напряженные для обычной плоти. Новая попытка: Дэн рванул так сильно, как мог, даже захныкал в голос. Конечность слегка растянулась, сломанные кости громко заскрежетали, вставая на место, а когда он отпустил руку, шишковатая выпуклость исчезла.

«Пожалуйста, пусть этого хватит!»

Брюкс оставил сломанные шины и наложил новые куски клейкой ленты; нажал и немного подождал, пока те затвердеют.

– Лучше, – сказала Валери.

Он перевел дух.

Хруст. Треск.

– Снова!

– Да что с тобой такое? – Слова вырвались до того, как Дэн успел совладать с собой. Перепуганный, он замер: вампириша могла отреагировать как угодно.

Рана кровоточила. Кость явственно проступала под растянутой кожей, как занозистый топляк в мутной воде. Гематома росла на глазах, и кровавое пятно просачивалось сквозь воск. Но нет, уже не воск: бледность испарялась из плоти Валери. Кровь текла из нутра, заливая периферийные ткани. Вампириша... разогревалась.

«Сосуды расширяются. Она переключается в охотничий режим. Значит, не игра, и даже не оправдание, а повод».

– Я им займусь, – раздался голос позади.

Брюкс попытался обернуться, но бесстрастный взгляд Валери прищипил его к месту, словно бабочку.

– Я серьезно, – бледная вспышка, бежевый комбинезон. Лианна всплыла внутрь и затормозила у стены. – Я тут все закончу. Твоим парням, кажется, необходимо руководство снаружи, на корпусе.

Глаза вампириши метнулись на сломанную руку, потом снова на Брюкса. Он моргнул, а она уже исчезла.

– Нужно вытащить тебя из скафандра, – сказала Лианна, откручивая его шлем.

Она постриглась: теперь дреды доходили лишь до челюсти.

Брюкс ссутулился и потряс головой:

– Ты можешь так просто с ней разговаривать?

– А что такого? Я просто... говорю. – Шлем покатился по отсеку. Все еще дрожа, Брюкс занялся молниями и застежками. – Ничего особенного.

– Нет, в смысле... – Он перевел дух. – Она разве тебя не пугает?

– Вроде нет. – Лианна взглянула на аптечку, плававшую сбоку. – Твою мать, она заставила тебя этим пользоваться?

– Эта тварь, двинутая на всю голову.

Синтет пожала плечами:

– По человеческим меркам, конечно. Но опять же... – Она постучала носком ноги по переборке, и из углубления в стене развернулась диагностическая койка. – Какой смысл было вытаскивать вампиров из плейстоцена, если бы их мозги работали как наши?

– Так ты не боишься?

Лианна задумалась на секунду:

– Раньше вроде боялась. В смысле, как жертва хищника, да? Безусловная реакция.

– Точно.

– Чайндам сказал, что беспокоиться не о чем.

Она жестом пригласила биолога лечь. Дэн подплыл ближе и позволил привязать себя к койке, ремни обхватили поясницу. На стене сразу расцвели параметры биотелеметрии.

– И ты ему поверила? Им. Этому. Какое местоимение подобрать для роя?

– Конечно, – Лианна провела пальцем по колонке биопоказателей и от чего-то поморщилась. – Ладно, давай посмотрим, что тут у нас.

Она осмотрела отсек («Надо как-нибудь вещички распаковать») и открыла серебряный ящик с медицинскими иконками. Порылась внутри, с полки инструментов взяла шинное ружье, переключила его в режим «ОСТЕО» и ткнула дулом в сломанную лодыжку:

– У тебя нервоблок стоит?

Дэн кивнул:

– Джим что-то мне вколол.

– Это хорошо. Иначе будет очень больно, – Лианна выстрелила. Дэн едва успел заметить черные волокна – тонкие, как филарии, – а они уже, лихорадочно молотя хвостиками, зарылись в плоть и исчезли.

– Когда блок пройдет, может чесаться, – Лианна оглядывала отсек в поисках других сокровищ. – Когда задеты маленькие косточки, сетка устанавливается не сразу... Ага, вот оно!

В этот раз куб оказался цвета слоновой кости – нет, прозрачный. Оттенок давал густой фиксирующий гель внутри. Когда женщина вскрыла крышку, тот дрожал будто желе.

Материала в одном ящике хватило бы, чтобы загипсовать десять человек с головы до ног. Пока синтез набирала пригоршню, Брюкс поглядел по сторонам и нашел еще штук шесть таких же сосудов.

Гель корчился в руках Лианны, разогреваясь от телесного тепла.

– Куда мы летим? – поинтересовался Дэн. – И сколько, по их ожиданиям, будет сломанных костей в месте нашей цели?

– А у них нет ожиданий. Они просто любят, когда все предусмотрено. – Лианна шлепнула вязкую массу на больную лодыжку. – Не двигайся, пока не схватится!

Гель чудовищной амебой заскользил вокруг лодыжки, образовав сплошную полосу, прополз пару сантиметров вверх по икре и вниз, на пятку, а потом замедлился и застыл в кислородной атмосфере.

– Вот, – Лианна закрыла куб, прежде чем масса внутри покрылась коркой. – Боюсь, придется поносить пару дней. Обычно мы снимаем повязку через восемь часов, но ты сражаешься с остатками вируса, и, если задрать метаболизм, зараза может спланировать свое триумфальное возвращение.

Лаккетт, кричащий в агонии... Газон, усеянный корчащимися телами... Болезнь столь беспощадная и быстрая, что тело застывает в трупном окоченении, пока жертва еще жива...

Брюкс закрыл глаза:

– Сколько?

– Чего?

– Мы многих оставили?

– Дэн, я не списывала бы этих парней со счетов. Знаю, как хреново все выглядит, но если я тут чему и научилась, так это пониманию, что перехитрить Двухпалатников невозможно. Они всегда на десять шагов впереди, и у них всегда есть планы внутри планов.

Брюкс подождал, пока голос в голове умолкнет. Затем спросил снова.

Поначалу она не ответила, но потом сказала:

– Сорок четыре.

– На десять шагов впереди, значит, – повторил он в своей личной тьме. – И ты в это веришь?

– Да, – торжественно ответила Лианна.

– Они ждали, что погибнут сорок четыре человека, спланировали их смерть. Хотели...

– Они НЕ хотели...

– Взяв эту... это чудовище с собой, они знали, что делают. У них, значит, все под контролем.

– Да, именно так, – в ее голосе не было даже намека на сомнение.

Брюкс вдохнул и выдохнул, задумался о слабом неожиданном запахе изо рта, о комке, что прямо сейчас начал расти в горле.

– У меня такое чувство, что вера доходит до тебя с трудом, – мягко произнес женский голос спустя несколько секунд. – Но иногда все происходит, так сказать, по воле Божьей.

Дэн открыл глаза. Лианна внимательно смотрела на него – добрая, милая и совершенно безумная.

– Пожалуйста, не говори так, – сказал Брюкс.

– Почему нет? – Казалось, она искренне удивлена.

– Потому что ты не можешь верить всерьез... Потому что все это – сказки, и ими слишком много...

– Это не сказки, Дэн. Я верю в творящую силу, которая существует за пределами физической реальности. Верю, что именно она дала жизнь всему живому. И ты не можешь винить ее за всю ужасную хренотень, которую творили, прикрываясь ее именем.

Слабое покалывание в пальцах. Поток слюны, поднимающийся из глубин глотки. Язык словно распух во рту.

– Ты не могла бы... Я хочу побыть один, если не возражаешь, – спокойно произнес Брюкс.

Лианна моргнула:

– Эмм... Да, наверное. Сетку можешь сбросить в любое время. Я принесла тебе свежий комбинезон, он лежит на щитке. КонСенсус подключен к краске: если что-то понадобится, постучи по стене три раза. Интерфейс довольно...

«Меня сейчас вырвет», – подумал он и с трудом выдавил:

– Пожалуйста. Просто уходи.

Снова закрыл глаза, стиснул зубы и, давясь, сглотнул подступившую тошноту, пока по звуку не понял, что Лианна ушла, и остались только голоса машин да рев в собственной голове.

Его не вырвало. Брюкс подтянул ноги к груди, обвил их руками и крепко сжал, пытаясь бороться с неожиданной неконтролируемой дрожью, охватившей все тело. Он не открывал глаз, не смотрел на новый мир и микрокосмическую тюрьму, в которой проснулся, – зараженный уродами и голодными хищниками маленький пузырек, что, вращаясь, с каждой секундой все больше удалялся от дома. Земля уже превратилась в воспоминание, затерянное и исчезающее в бесконечной пустоте. Тем не менее она была рядом, в его голове, – пустынным садом, усыпанным искореженными трупами, и от нее не было спасения.

Каждый мертвец имел лицо Лаккетта.

Мы начинаем изучать геологию после землетрясения.

Ральф Уолдо Эмерсон

В конце концов паника уменьшилась. И в конце концов ему пришлось вернуться.

Брюкс не знал точно, сколько времени прошло. Пока ему хватало тьмы за собственными веками, шипения вентиляторов и тихого писка медицинских мониторов. Где-то не слишком далеко завывало нечто, похожее на сирену, – пять раз, потом замолкло. Спустя секунду мир дернулся вправо, и Дэн почувствовал мягкое давление на ключицы, икры, пятки. Верх и низ вернулись.

Брюкс открыл глаза – вид не изменился.

Он сел и повернулся, позволил гравитации стянуть ноги с края койки (биометрия исчезла, стоило ему подняться). С трудом поборол головокружение, протянул перед собой руку и смотрел на нее, пока не унялась дрожь.

Экзоскелет экстатически вибрировал, пока Дэн отрывал его; полосы со щелчком возвращались к состоянию минимальной эластичности, как только получали свободу. С собой они забирали волосы и клетки кожи, оставив оголенные промежутки по всему телу.

Брюкс бросил экзоскелет на палубу – спутанный шар из резиновых волокон, дрожавший и дергавшийся, будто живой. Сам пробрался к маленькой уборной, выглядывавшей из-за холма полетного багажа, и совершил набег на пищевой фабрику, встроенный в переборку. Посасывая из груши электролитическую жидкость, Дэн отлепил чистую сложенную одежду от стены там, где ее оставила Лианна: комбинезон цвета зеленой листвы, заблаговременно созданный по его размерам бортовым принтером. Закачался, пока натягивал штанины. Но псевдогравитация была слабой и на ошибки закрывала глаза.

Подготовка подошла к концу: Брюкс оделся, выпрямился, внутренние батарейки начали впитывать заряд из питательных веществ в кишках. Дэн сложил койку обратно в альков; ее нижняя часть, покрытая смарткраской, слегка выступала из стены и еле заметно фосфоресцировала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.